

Линн Лаубер Уэйн Дайер Великая мудрость прощения. Как освободить подсознание от негатива

«Великая мудрость прощения. Как освободить подсознание от негатива / Уэйн Дайер, Линн Лаубер»: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 9785699576012

Аннотация

Ричард Бах когда-то написал: «Все люди и все события твоей жизни пришли в нее потому, что ты их притянул. Теперь тебе надо выбрать, как с ними поступить». Именно этого понимания не хватало Райану Килгору – герою книги международно признанного автора многочисленных книг и лекций по саморазвитию личности, доктора Уэйна Дайера.

Как часто мы страдаем из-за незаживающих душевных ран, пытаемся разобраться в них и залечить, чтобы жить дальше. Эта книга-самоучитель поможет всем, у кого в душе остались тягостные воспоминания прошлого, ожидающие прощения.

Уэйн Дайер, Линн Лаубер Великая мудрость прощения. Как освободить подсознание от негатива

Авторы книги не дают медицинских рекомендаций, не предписывают применения какого-либо метода для улучшения физического или эмоционального состояний, а также для лечения медицинских заболеваний без прямой или опосредованной консультации с профессиональным врачом. Авторы лишь преследуют цель сообщить читателям информацию общего характера, чтобы облегчить путь к достижению эмоционального и душевного благополучия. В таком случае вы можете воспользоваться приведенной в данной книге информацией для личных целей в соответствии с вашим конституционным правом, авторы и издатели не несут ответственности за предпринятые вами действия.

Данная книга – это художественное произведение. Все персонажи, имена, названия

мест и события являются вымышленными. Любое совпадение с реальными событиями, местами либо с реальными людьми, ныне живыми или уже усопшими, совершенно случайно.

Глава I

Прощение подобно аромату, что фиалка приносит в дар растоптаваемому ее.

Марк Твен.

Церковь Согласия представляла собой одноэтажное здание из рыжеваторжавого кирпича, похожее на бывший банк, – там даже было окно для обслуживания автомобилистов¹, сейчас оно было заколочено досками, и Райан Килгор заметил его, объезжая участок.

Он делал вид, что ищет место для парковки, но на самом деле просто выжидал благоприятный момент. Он уже провел много часов за рулем, движимый дьявольски сильным приливом адреналина. Но теперь, по приезде, в желудке жгло, и он был не уверен, что ему вообще стоит входить. Чего ему действительно хотелось, так это найти скамейку и понежиться на скупом, предосеннем солнышке; но на это не было времени.

В свои сорок пять Райан был поджар, чисто выбрит, с густой шевелюрой светлых, отливающих серебром волос и холодными, как лед, голубыми глазами, в которых сквозила меланхолия.

Окружающие постоянно говорили ему: «Улыбнись, все не так уж плохо!» Но с точки зрения Райана они представления не имели, о чем говорят.

Он провел ночь в номере дешевого отеля на границе штата Мичиган и вот уже битый час колесил по этому небольшому городку, расположенному в пригороде Детройта, в поисках кафе. Однако, кроме закусочной «Макдоналдс», кофе выпить было негде. А это заведение ему категорически запретил посещать его сын Логан, который абсолютно точно знал, сколько граммов жира содержится в Большом Маке. Но страшно истосковавшись по кофеину и соленому, Райан подъехал туда и встал в очередь, поулиточьи медленно продвигающуюся к окошку для обслуживания автомобилистов. В порыве отчаянного безрассудства он заказал большой стакан кофе, яичный кекс маффин и оладьи из отварного картофеля с луком. Не выключая двигателя в машине, он проглотил все это с жадностью прямо там, закапав жиром брюки. Затем, спрятав упаковочный пакет и стаканчик изпод кофе под сиденье, словно это были принадлежности наркомана, он вернулся на парковку, по которой уже проехал три раза.

Наконец припарковавшись, Райан опустил стекла и остался в салоне – сидел и наблюдал за тем, как к церкви маленькими шажками, опираясь на трость или на ходунки, вереницей тянулись пожилые люди, приглашенные на похороны. Мужчины были в мешковатых костюмах, пахнущих можжевельником и нафталином. Широкобедрые женщины с одутловатыми лицами были в темных очках, платьях в цветочек с маленькими жакетами или в просторных брючных костюмах с медными пуговицами. Он помнил подобного рода наряды с детства, когда сам ходил в церковь.

Прежде чем выйти из машины, Райан достал из кармана выцветшую фотографию, которую очень долго носил с собой. Его главным занятием на протяжении сорока с лишним лет был поиск человека, лицо которого было изображено на этой фотографии, – поиск его пропавшего отца.

Была середина августа; теплый, пронизанный золотым светом день. Райан взглянул в

¹ Через такое окошко можно получить еду в закусочной, осуществить элементарную банковскую операцию. Становясь в очередь из автомобилей, клиент, не выходя из машины, объявляет свой заказ в микрофон перед витриной с меню, а затем получает его в окошке. (Прим. перев.)

зеркало заднего вида и постарался придать лицу солидное выражение – точьвточь как он делал, когда только начинал преподавать и перед уроками специально принимал строгий и властный вид. Он напряг подбородок и поднял брови, но почемуто у него не очень получилось. Когда он посмотрел в зеркало заднего вида, увидел, что выглядит явно хуже обычного – растерянным и изможденным.

На зеркале было написано белыми буквами: «Отраженные в зеркале предметы всегда кажутся ближе, чем они в действительности находятся».

Сначала он неправильно прочитал надпись, как «*более старыми*, чем они есть на самом деле». У него все время так получалось – он всегда неверно читал вывески и заголовки. Что же с ним такое происходит?

Рядом с Райаном на переднем сиденье лежало несколько открытых коробок, на которых спереди крупно черным шрифтом было написано его имя, а сзади размещена его фотография.

Др Райан Килгор,
Университет Святого Иоанна²
*АМОРФНАЯ ЗЕМЛЯ, ИЛИ КАК МЫ НЕУКЛОННО УНИЧТОЖАЕМ
КУЛЬТУРНОЕ БОГАТСТВО НАШЕЙ ПЛАНЕТЫ.*

Вторая книга называлась «*Сбор данных по родовым ритуалам племени Майоруна в Бразилии*».

Эти книги были делом его жизни на протяжении более чем двадцатилетней преподавательской работы в Университете Св. Иоанна в Квинсе, НьюЙорк, где он прошел длинный путь от адъюнкта, у которого был небольшой столик гдето в чужом углу, до настоящего профессора с собственным кабинетом и фотографией на вебсайте колледжа, на которой он выглядел лучше, чем в действительности. Он преподавал социологию, экологию и энвиронику³. Однако докторскую степень он получил в области этнографии и культуры. Лучшим в преподавательской работе было то, что он мог распоряжаться большим исследовательским бюджетом, который позволял ему оставаться на исследовательской работе и много путешествовать. Научная степень нравилась ему еще и изза престижности.

При любом удобном случае он добавлял научный титул «доктор» к своему имени, и ему очень нравилось, когда окружающие ошибочно принимали его за врача. Он никогда не поправлял их.

До сих пор написанные им книги были не слишком востребованы читателями. Преимущественно это были его же студенты, поскольку в книгах были тексты, которые были необходимы на занятиях. Возможно, это были далеко не самые лучшие в литературном отношении произведения, но он получал истинное удовлетворение, когда приходил на занятия и видел, что в классе сидят 20 студентов и держат в руках книги, на обложке которых крупным шрифтом было напечатано его имя.

Казалось, что больше никому не хотелось проводить время за подробным изучением преимуществ и самобытности непонятных племенных групп. Но именно эта тема и волновала Райана – угроза скорого краха цивилизации в том случае, если люди не осознают мощи и влияния древних знаний. Если же верить его жене Софи, то это не самая удачная тема для начала разговора. За последние десять лет их супружества у нее на лице

² Университет Св. Иоанна – частный католический университет в Бруклине, г. НьюЙорк. Основан в 1870 г. Принимает преимущественно мужчин. Около 18 тыс. студентов. (Прим. перев.)

³ Наука об окружающей среде. (Прим. перев.)

обосновалось страдальческое выражение, которое в свое время было так характерно для его бывших школьных подружек.

Райан тешил себя надеждой, как он теперь понимал – слишком оптимистичной, что после публикации книг за его счет откуда ни возьмись появится издатель и ухватится за них. Так было принято считать у некоторых знакомых ему адъюнктпрофессоров на университетской кафедре, где он преподавал. И он тоже стал придерживаться этой точки зрения.

Но этого так и не случилось. Зато скопилось два шкафа книг, которые, вероятно, прочли от силы человек пятьдесят. У Райана было очень туманное представление о том, что он мог бы дать один из экземпляров своему отцу, который бы... что? Был бы совершенно потрясен и преисполнен высоких чувств изза своего отверженного талантливового сына? Эта фантазия казалась слишком патетичной, чтобы ее лелеять. Райан набросил на коробки полотенце, словно хотел спрятать их от самого себя.

Зазвонил мобильный телефон, он глянул на номер. Звонила Софи. Когда он уезжал вчера утром, она была целиком поглощена предварительным тщательным планированием вечеринки по поводу девятого дня рождения Логана и, вероятно, хотела попенять ему за его полную безучастность к празднику сына. Он не стал отвечать на звонок, засунул телефон обратно в карман. Разберется с этим позже. У него и без этого хватает проблем.

Райан снова взглянул на выцветшее фото своего отца. Когда его фотографировали, он был крупным красивым мужчиной пятидесяти лет. Его привлекательность была несколько грубоватой; казалось, черты лица обветрились изза постоянной непогоды. На фото он стоял рядом с грузовиком в белой ковбойской шляпе «стетсон» и сурово смотрел перед собой. Это и был Роберт Килгор, который однажды бросил Райана и всю семью.

О том, куда именно подался его отец и чем он занимался все это время, ходило много историй, порожденных отрывочными слухами и преувеличенных детскими фантазиями, которым предавались Райан и его братья будучи детьми.

Одна из версий гласила, что Роберт пересек всю страну, работая на ярмарках и карнавалах. По другим слухам, он трудился до седьмого пота то на одном из ранчо на Среднем Западе, то в гравийном карьере, то где-то на рыбоконсервном заводе на Западе.

«Бьюсь об заклад, он пилот», – сказал старший брат Райана Дэйв, когда мальчики сидели вместе.

– Вероятно, он работает на «Транс уорлд Эйрлайнз» или на одну из крупных компаний. Можно бесплатно летать по всему миру.

«Думаю, он служит в правоохранительных органах, – выдвинул свою версию самый старший из братьев Джим. – Не исключено, что под прикрытием. Может, занимается наркотиками. Уверен, у него под пиджаком кобура».

Райану, которому вообще было трудно представить отца хоть за какойто работой, все эти предположения казались одинаково маловероятными. Но до него регулярно доходили скупые, отрывочные сведения, что у отца был невыносимый, взрывной характер, что он был страшно ревнив и питал пристрастие к джину – вот это он считал более правдоподобным. На протяжении многих лет мать наотрез отказывалась говорить об отце, лишь постоянно твердила, что он бросил их.

Глубоко вздохнув, Райан вышел из машины и направился туда, где проходила панихида. В часовне было прохладно, пол был застлан толстыми светлыми коврами, приглушенно звучал орган. В разных залах для прощания, которые назывались «Упокоение» и «Безмятежность», притихшие люди собирались небольшими группками или сидели на складных стульях. В большинстве часовенок был установлен экран, на котором в определенной последовательности появлялись изображения усопших. Райан заглянул в один из залов, где в гробу лежал человек в сером костюме, а на экране безмолвной чередой проплывали его фотографии – младенческие, школьные с выпускного вечера и свадебные, на

которые, похоже, никто даже не смотрел.

У бабушки Райана ничего такого не было. Войдя в зал «Безмятежность», Райан увидел доску объявлений, на которой канцелярскими кнопками были прикреплены несколько выцветших моментальных фотоснимков. Панихида по бабушке уже началась. Райан склонил голову, стараясь не привлекать к себе внимания.

Впереди в мерцающем свете пламени свечей священник торжественным тоном вещал о воздаянии, материнской верности и набожности, отчего складывалось сильное впечатление, что он говорит о какой-то абстрактной пожилой женщине, с которой сам никогда не был знаком.

Райан взял программку у раскрасневшейся распорядительницы с темноокрашенными губами, в белой гофрированной блузке и с серьгами в форме колец. Она пристально посмотрела на него, словно на знакомого. «*Покойся с миром!*» – так было написано в украшенной виньетками из лилий программке, где было помещено нечеткое фото женщины, при виде лица которой Райан пришел в полное смятение.

Энн Мэри Килгор. На фотографии бабушка была снята по плечи, возможно, фотографировалась для церкви. Бледное лицо, изборожденное морщинами, с мрачным выражением, было обращено к фотографу. Казалось, она говорила: «*Вот я какая! Мне все равно, что вы думаете!*» Райан быстро уселся в заднем ряду.

Итак, он снова встретился с ней, матерью своего отца, которую не видел «во плоти» более сорока лет. Както вскоре после исчезновения отца мать возила его на пикник, чтобы хоть немного компенсировать отсутствие семьи. Там была и бабушка.

В его памяти Энн Мэри осталась сухопарой и желчной женщиной, мало похожей на бабушку, о которой он мечтал. Когда он обнимал ее, ему казалось, что он обхватывает руками большой моток жесткой проволоки.

Что можно было сказать о жизни, которую прожила Энн Мэри Килгор? Судя по церковному бюллетеню, не слишком много, исключая, пожалуй, дату ее появления на свет и бракосочетания, а также перечень рожденных ею детей, вторым из которых был неведомо куда сгинувший непутевый отец Райана.

Изысканный гроб, достойный королевских особ, с телом бабушки Энни выставили для прощания вблизи первых рядов, но ее одутловатое лицо было видно даже с задней скамьи. Райан встал и мелкими шажками вместе с другими приглашенными начал продвигаться по проходу, внимательно рассматривая все вокруг. В зале было множество венков и декоративных панно из цветов, которые редко встречаются в природе, тем более в подобных сочетаниях – огненно яркие гладиолусы, гвоздики с сильным пряным запахом; восковые лилии с назойливо дурманящим, приторным ароматом. После крепкого утреннего кофе и жирной пищи Райану стало дурно.

Похоже, модель гроба была одной из самых элитных – атласная обивка, материал, напоминающий титан, – словом, настоящий космический корабль, предназначенный для доставки бабушки Энни в мир иной.

Кто и зачем оплатил всю эту роскошь для женщины, которая при жизни наверняка ни разу не притрагивалась к настоящему атласу? Если память Райана не подводила, то его бабушка всегда носила домашние халаты, фартуки и изношенные туфли.

Почему никто не купил ей цветы или меховую шубу, когда она еще была жива и могла порадоваться подарку? Какой смысл облачать ее в атлас теперь, на пороге вечности, или что там еще ждало впереди?

Он перестал об этом думать. По словам Софи, он всегда поступал именно таким образом перед лицом глубокого чувства – отстранялся, отгораживался иронией и доводами рассудка.

«Ты ведешь себя словно персонажи из твоих книг по антропологии, которым ни до кого нет дела», – упрекала его жена.

«Представления не имею, что ты хочешь сказать», – холодно отвечал Райан.

«Ха! – продолжала она. – Вот ты опять за свое! Смотришь на остальных свысока. Считаешь, что видишь всех насквозь и что сам лучше других».

«Но это же смешно!» – возражал Райан; но так и не мог переубедить ее и поэтому оставил любые попытки это сделать.

Вообще даже его жена была бы невероятно удивлена, узнай она, какого невысокого мнения он о себе был; сколько неуверенности скрывалось под внешним высокомерием и до какой степени его стремление непременно доказать свою правоту, одержать победу в споре было продиктовано жадой одобрения и тоской по близости.

Райан вдруг осознал, что в этом зале, вероятно, много его двоюродных братьев и сестер, племянников и племянниц, а также теток по бабушкиной и дедушкиной линии. Но, по правде говоря, у него не было особого желания встречаться ни с кем из них – все его мысли были сосредоточены на одном лице. И если ему не суждено свидеться с отцом, он не хочет видеть и никого другого. За исключением своей бабушки, умершей, по его мнению, после 89 лет тяжелой и полной разочарований жизни.

И вот Райан стоит перед бабушкой Энн – застывшее, окаменевшее лицо, сложенные на груди руки. Шелковое синее платье, крест, жемчужные серьги. Ее видно по пояс. Нижняя часть тела задрапирована, словно она слишком изуродована или хрупка, чтобы предьявлять посторонним взорам.

Выражение лица со временем смягчилось, но попрежнему осталось сердитым, будто кто-то ножом высек на нем скорбные складки.

И что бы Райан ни чувствовал ныне, это была и его плоть и кровь; ее ДНК служила подтверждением существования его отца. В морге ее гримировали, уложив в высокий шиньон тугие седые локоны, слегка коснувшись губ розовой помадой и покрыв щеки каким-то совершенно неизвестным Райану средством. Оставшись с покойницей наедине на какое-то мгновение, Райан протянул руку и коснулся ее предплечья, о чем тут же пожалел. На ощупь ее тело напоминало цемент, твердый, прикрытый замороженной кожей. А ведь что такое жизнь, если не тепло и кровь?

Он закрыл глаза. «Привет, Ба!» – прошептал его внутренний голос, словно донесшийся из прошлого и ждущий, что в ответ она бросится в его объятия. Он снова открыл глаза – вид был еще ужаснее и печальнее.

Райан отвернулся и нервно начал вглядываться в толпу; проходя мимо выложенного в форме сердца декоративного панно из желтых роз с надписью из цветов «Маме», он подумал, что непременно нужно было прислать цветы.

Он почувствовал, что кто-то или что-то следят за ним откуда-то сверху – наподобие небесной камеры наружного наблюдения. Примерно такое же ощущение он испытывал, примеряя одежду в гардеробной. Он пристально осмотрел балки под куполом часовни. Ничего.

В первом проходе у боковых рядов Райан заметил крупного седовласого мужчину, стоявшего к нему спиной и суетливо возившегося с программкой. Райан снова взглянул на фото отца. Может, это он?

Он придвинулся поближе, пытаясь лучше его рассмотреть. Как он поступит, если после стольких лет встретится с отцом? Что скажет? Устроит сцену, унизив его за всю перенесенную боль и страдания? Или разрыдается, не в силах вымолвить ни слова, скрыть свой гнев и тоску?

Сегодня у него не будет ответов на эти вопросы.

Мужчина поднял голову, Райан увидел небольшие, близко посаженные, темные глаза и мелкие черты на маленьком с кулачок лице. Нет, снова не он.

Райан продолжал разглядывать толпу, когда присутствующие стали расходиться.

Его взгляд упал на женщину по ту сторону прохода. На вид ей было лет шестьдесят, у нее была короткая стрижка, небрежно уложенные волосы, подтянутая фигура и излучающие

тепло глаза, судя по их выражению, она его вроде бы узнала. Она слегка улыбнулась. Это была Дороти Стаутен, младшая сестра отца. Слишком взволнованный Райан не хотел ни с кем говорить; он быстро повернулся и направился к выходу из часовни, обратно к машине.

Дороти нагнала его уже на парковке.

– Райан, это ты? Пстой!

Он остановился и повернулся.

«Я тебя едва узнала», – произнесла она.

Несмотря на скорбь, Райан обиделся. Что она имела в виду? Несомненно, он был в значительно лучшей форме, чем большинство из присутствовавших на панихиде мужчин, у которых толстые животы свисали над белыми брючными ремнями, а карманы оттопыривались от засунутых туда пачек сигарет.

На протяжении двадцати лет Райан до изнеможения занимался в гимнастическом зале колледжа, словно готовился к катастрофе, для которой необходимо быть в хорошей физической форме. Раньше он верил, что это помогает ему повысить иммунитет и хорошо укрепить здоровье и никогда не говорил Софи правду – что, несмотря на все эти тренировки, его последнее обследование выявило зашкаливающий уровень холестерина и очень высокое содержание триглицеридов.

«Как это может быть?» – спросил он у врача.

«Это по большей части наследственное», – ответил доктор, то есть он сказал именно то, чего Райан как раз слышать не хотел. Врач и не подозревал, насколько неприятными эти слова были для Райана. Он, может, и стремится разыскать отца, но это не значит, что он хотел бы унаследовать хоть одну его черту.

В действительности все, что он делал в жизни до сих пор – брался за любую изнуряющую работу в общеобразовательной школе, посещал скучные занятия, чтобы получать свои почетные степени и звания, каждый доллар, что он сэкономил по программе страхования 401К⁴, – все это он делал из чувства противоречия своему отцу, чтобы доказать, что в отличие от отца он был знающим и образованным, а не бездеятельным или безответственным.

Райан гордился своей карьерой в колледже, своей верностью Софи, умением вести финансовые дела и своими принципами родительского воспитания: твердыми, но без того, что он считал насилием над личностью.

Разумеется, у него были и другие не столь превосходные черты характера. И Софи с радостью напоминала ему об этом: он был нетерпелив, раздражителен и пренебрежительно относился к окружающим. Но кто из нас совершенен? Он старался играть как можно лучше теми картами, что сдала ему судьба. Разве не так?

Из раздумья его вывел голос Дороти.

«Мы и понятия не имели, что ты приедешь, дорогой! – продолжала она. – После панихиды все собираются дома. Почему бы и тебе не заехать?»

– Извини, тетя Дороти. Спасибо, но я действительно не могу. Я лишь ненадолго заскочил, чтобы засвидетельствовать свое почтение.

Не было ни малейшей причины, по которой ему не следовало заезжать в дом. Наоборот, именно это ему и нужно было сделать, учитывая, что он провел в пути целых шесть часов, чтобы добраться до этого богом забытого городишки. Но замечание, что она не сразу его узнала, сильно уязвило его.

«Ну, твоя бабушка была бы рада узнать, что ты проделал весь этот путь сюда, чтобы попрощаться с ней, – сказала Дороти. – Вот что важно».

За спиной у Дороти открылась дверь церкви. Райана захлестнула тревога, но затем утихла. Он увидел, что это девочка-подросток.

⁴ Пакет страховок 401К, в который входит пенсия, медицинская страховка и т. д. (Прим. перев.)

Он нервно сглотнул и взглянул на Дороти. Ему пришлось спросить: «Мой отец здесь, верно? Я его нигде не заметил».

Дороти сочувственно взглянула на него. Очевидно, у нее были свои основания переживать изза брата.

– Нет, его здесь нет. Так ты поэтому приехал?

– Ну, я подумал, что у него хотя бы проснется совесть и он, может быть, покажется на похоронах собственной матери. Что ж, я ошибся.

Дороти тихо и печально рассмеялась.

– Знаешь, а может, он боится.

– Чего боится? Какого черта ему должно быть страшно?

– Например, встречи с тобой!

«Можно подумать, он меня узнаёт», – заметил Райан.

«Или твоих братьев, – продолжила Дороти. – Или, и того хуже, твоей матери».

– А вот этого действительно стоит опасаться. Она бы его засадила за решетку как пить дать!

– Кстати, а как она поживает?

Райана стоял и молчал, охваченный противоречивыми чувствами. Правду ему говорить не хотелось – что у его матери, снова вышедшей замуж, дела обстояли хуже некуда. «Вполне сносно, – солгал он. – По крайней мере, гораздо лучше, чем когда ей приходилось одной без гроша заботиться обо всех нас».

«А как бы ты поступил, если бы он приехал?» – поинтересовалась Дороти.

– Точно не знаю. Наверное, поговорил бы с ним.

Она смотрела на него так, словно не верила ни одному сказанному слову:

– Правда, а о чем?

Ее любопытство понемногу начало его раздражать.

– О многом, уж ты мне поверь.

Какое-то время он пристально смотрел ей в лицо.

– А ты знаешь, где он сейчас?

Стараясь не смотреть ему в глаза, она отрицательно покачала головой.

Они молча стояли рядом, а мимо проходили вновь прибывшие, преимущественно пожилые женщины с кастрюлями, завернутыми в фольгу. Райан подумал, что, должно быть, в церкви одновременно проводили сразу три или четыре похоронных церемонии. В воздухе пахло макаронами, сыром и мясным хлебом. Этот аромат навеял воспоминания детства о семейных трапезах, еще до того, как семья развалилась.

Дороти добавила:

– Я очень рада, что ты приехал, Райан, даже если ты не можешь остаться. Знаешь, никто из членов семьи не общался с твоим отцом уже много лет. Может, это и к лучшему. Для всех.

– Другими словами, ты знаешь, где он, но не собираешься мне говорить. Ладно, я понял.

Он резко повернулся и рывком открыл дверцу машины.

«Погоди немного! Пстой! – вздохнула Дороти, словно решившись на что-то в глубине души. – В последний раз, когда я общалась с твоим отцом, он был в Калифорнии».

Райан повернулся в ее сторону:

– В Калифорнии? А где?

– Он тогда только что вышел из тюрьмы и со своей сожительницей жил в каком-то городишке, Герни как, бишь, его там, может, Гернвилль? Учти, это было много лет тому назад. Вероятно, семь или восемь. И кто знает, где он теперь?

– А за что он попал в тюрьму?

Дороти отвела взгляд.

– Кажется, за оскорбление действием. У него всегда была склонность вымещать зло на женщинах. По крайней мере, мне так говорили.

Райан нервно расхаживал, стараясь успокоиться. То, что поведала Дороти, не слишком его удивило, но к горлу подступила горечь.

А правда заключалась в том, что после всех этих долгих лет Райан все еще не хотел верить, что его отец мог существовать, так ни разу и не пообщавшись с ним.

Он часто проводил время, стараясь уяснить для себя, было ли у Роберта в молодости что-нибудь, что могло предвещать или обуславливать его неудачи и предательство. Может, ему уделяли мало внимания или его били? Но Райану никто не мог рассказать об этом. Похоже, даже Дороти была не в курсе.

«Знаешь, отец пил, а мать была не слишком общительной, но они о нас заботились, – так ответила она, когда Райан спросил ее. – Они всегда были поблизости, хотя и не слишком участливы. Кроме этого, не было ничего необычного».

«С другими детьми все обстоит благополучно, верно?» – спросил Райан.

– Кроме твоего отца, никто не то что в тюрьму не попадал, но даже и не разводился. Не стану утверждать, что мы самая счастливая семейка на свете, но вполне нормальные.

Уж если из всех живущих в этом мире сестра отца не могла помочь ему разобраться, то тогда кто поможет?

«Слушай, мне жаль, что я тебе нагрубил, – извинился Райан. – Мне просто хотелось бы...»

Дороти подняла руку в знак протеста.

– Знаю, несмотря на ужасные поступки, которые он совершал, он все же мой брат, понимаешь? У меня достаточно оснований для обид.

Она тронула его за руку.

– Счастливо, и береги себя, дорогой!

– Ладно.

Райан сел в машину, затем опустил стекло.

– Рад был повидаться, тетя Дороти. Надеюсь, в следующий раз увидимся при более благоприятных обстоятельствах.

Он завел двигатель, и автомобиль резко тронулся с места.

Глава II

Гнев добрых людей – это не что иное, как настоящая потребность прощать.

Пьер Огюстен Бомарше

Ужасные поступки, которые он совершал. Эти слова постоянно вертелись у него в голове, когда он стремительно ехал прочь, вливаясь в поток машин на автостраде. Он не понимал, что именно имела в виду Дороти, но что касается Райана, его отец совершил лишь один непростительный грех – бросил своих детей и жену. Это было его главное преступление, повлекшее за собой остальные трагические события – ухудшение состояния здоровья матери, ее отказ от прав на Райана и его братьев, когда их пришлось сдать в детский дом, потому что она была не в состоянии сама ухаживать за ними и воспитывать их.

Его разлучили с двумя родными братьями – их отправили в один приют, его – в другой. Райану не повезло: он попал в приемную семью безработного машиниста и его жены – к одиозным супругам по фамилии Лузи.

Жили они в двухэтажном домике на две спальни в глухом переулке рядом с железной дорогой. Райана поселили в одной комнате с еще четырьмя приемными детьми. Спали все вместе на одном маленьком, грязном матрасе. В довершение всех несчастий в доме был лютый холод зимой и настоящее пекло летом. Крыша протекала. Всегда стояла

омерзительная вонь – пахло плесенью, грязными ногами, канализацией и мышами.

У Райана ушли годы, чтобы понять, что Лузи были отъявленными мошенниками, чья главная задача сводилась к тому, чтобы собирать приемных детей и жить на полагающееся на их воспитание ежемесячное социальное пособие.

Но никто в жизни бы об этом не догадался, видя представление, которое миссис Пег Лузи устраивала на людях. Она брала мальчиков за руки, ласкала их и всех называла лапочками. А в действительности причина была в том, что она просто все время забывала, как их зовут.

Но в кругу семьи все обстояло совершенно иначе. В ящике со льдом было полно полно коричневых бутылок с элем. На кухне на гвозде висел изрядно потрепанный от частых порок ремень для устрашения непослушных. Лузи любили выпить и поиграть в карты, усаживая детей перед шатким чернобелым телевизором с бутылками колы и пакетиками сырных палочек.

С раннего возраста Райан подружился с одним из своих сводных братьев по имени Кенни, низкорослым мальчиком, с дефектом речи, которому нравилось собирать модели самолетов. Они с Райаном частенько беседовали по ночам о том, чем займутся, когда вырастут. Кенни мечтал стать автомобильным гонщиком. Но Кенни недолго пробыл у Лузи; через несколько месяцев он самым загадочным образом бесследно исчез, и о нем больше не было ни слуху ни духу. Впервые в жизни Райан написал письмо, адресованное Кенни, но оно месяцами валялось и пылилось на телефонном столике. Миссис Лузи все обещала его отправить, но так и не отправила, а потом его просто выбросили. И после этого у Райана больше не было близких друзей среди так называемых сводных братьев. Он плохо помнил остальных детей, состав которых постоянно менялся. Они остались у него в памяти как несчастные создания, у которых рот был вечно перепачкан оранжевым красителем, потому что вместо завтрака и ужина они все время ели сырные сэнки.

Безрадостные годы, проведенные в семействе Лузи, сильно повлияли на формирование личности Райана, нанеся ему тяжелую незаживающую душевную рану.

Он был не в состоянии говорить обо всех унижениях жизни у приемных родителей даже с психоаналитиком. Он не знал, с чего начать.

Но благодаря этим лишениям он вырос целеустремленным, у него сформировалось стремление к успеху. Он поклялся, что никогда больше не будет зависеть от других, что добьется официального признания и получит образование, что позволит ему стать самодостаточным и преуспеть.

Он постарался гнать мысли о своих сиротских травмах подальше, спрятать их в потаенном уголке души, крепко запереть на замок и привалить дверь огромным камнем. И все-таки в самые неподходящие моменты эти воспоминания вдруг всплывали на поверхность, причиняя такую боль, что казалось, все это приснилось в кошмаре или случилось с кем-то другим.

И вот теперь они снова нахлынули на него, когда он пересекал границу между штатами по дороге на запад – возможно, для одинокого водителя это было чересчур длительным путешествием. А в попутчики к нему навязалось слишком много привидений.

Он снова вспомнил промозглые ночи, когда нечем было укрыться, а одеяла не грели; скудную пищу, когда от сильного голода спазмами сводило желудок и, едва оставшись один, он готов был есть что угодно – открывал холодильник и запихивал в рот все подряд: майонез, маргарин, кукурузный крахмал, чтобы только набить живот. И потом эти порки, которые мистер Лузи мог задать в любой момент, не удосуживаясь объяснить причину. Чем он провинился? Что сделал не так? Дерзил в ответ, слишком громко разговаривал или, наоборот, молчал? Но тяжелее всего было полное одиночество. Он никому понастоящему не

был нужен, никто и нигде не заботился о нем, никто не смотрел на него с любовью или гордостью.

Он не собирался мстить этим отвратительным Лузи. Он был просто рад никогда больше не видеть их после того, как ему стукнуло семь лет и на пороге их дома появилась его мать, похожая на собственный призрак; забрала его после пятилетнего отсутствия, словно просто отлучилась куда-то на пять дней.

«Думаю, вы попрिдержали кое-что из моей собственности», – сказала она, обращаясь к миссис Лузи, которая громко рассмеялась в ответ на столь легкомысленно-несерьезное замечание.

К тому времени Райан уже вполне научился выживать самостоятельно, или ему хотелось в это верить. Он черпал силы из глубинных запасов энергии и амбициозности. Жил в мире книг, а местная общественная библиотека стала для него уютным домом; здесь он проштудировал каждый том *Всемирной Американской Энциклопедии World Book* и *Британской Энциклопедии*; рассматривал иллюстрации, если было трудно понять текст.

Он вернулся в новую квартиру матери, где как ни в чем не бывало сидели его братья, удобно устроившись перед крохотным цветным телевизором.

В квартире также жили Эрл, второй муж матери, и его сын по имени Скотт – у них на двоих был целый третий этаж, куда вела лестница.

Однажды памятным вечером Райан сидел в гостиной, служившей спальней ему и братьям – Дэйву и Джиму. Они смотрели мультфильмы, а Эрл и Скотт прошли мимо них на кухню, где мать мыла посуду.

Он слышал, как Эрл сказал матери, что они собираются на рыбалку.

«Почему бы вам не захватить остальных мальчиков?» – спросила она.

Отчим отхлебнул воды и вздохнул:

– Я же тебе говорил, это не мои дети и я не собираюсь их воспитывать.

«Никогда ты этого не говорил», – ответила мать.

Эрл зло рассмеялся. Это был коренастый, жилистый мужчина с загорелой кожей. Райану не верилось, что его мать могла выйти замуж за такого человека.

«Я точно это говорил, – ответил Эрл. – Ты просто не слушала. По своему обыкновению».

Из окна Райан наблюдал, как Эрл и Скотт выходили из дома и пересекали улицу, при этом Скотт протянул руку и ухватился за отца.

Райан вошел на кухню и, стоя у матери за спиной, все еще мывшей посуду у раковины, спросил:

– А где *наш* отец?

– У вас его нет.

«С биологической точки зрения это невозможно», – ответил Райан, даже в такой ситуации оставаясь студентом.

Сзади к ним приблизился Дэйви. Точная копия Райана, только с веснушками.

– Эй, у всех есть отец.

– Ну а у вас нету.

«Он что, умер?» – спросил Райан. Мать продолжала мыть посуду.

«Все равно что умер», – бросила она.

– Ма...

«Больше не приставай ко мне с вопросами! – вспыхнула она. – Я тебя из приюта забрала. Что, этого мало?» Она в сердцах швырнула полотенце, ушла в спальню и закрыла за собой дверь.

«Да, – подумал Райан. – Мало».

Он снова выглянул в окно на улицу, по которой шли Эрл с сыном. Самое печальное заключалось в том, что он был бы даже рад привязанности Эрла, так отчаянно тоскливо ему было. Конечно, мать мыла им шеи и застегивала рубашки, но ему страшно не хватало товарищеских отношений, мужского признания и

внимания. К нему никогда в жизни никто так не относился, а ему это было нужно как воздух.

Чтобы улизнуть из дома, у Джима и Дэйва, как и у Райана, когда он достаточно подрос, были заранее намеченные тайные маршруты. Все трое неохотно возвращались домой, где было тесно и где всем распоряжался Эрл, у которого были резкие перепады в настроении и приступы ярости, когда напьется. Все трое страшно боялись, что матери снова станет плохо и что их опять сдадут в приют или в приемную семью. К тому времени, как они стали подростками, они все нашли повод, чтобы навсегда уехать из дома.

Глава III

Кто мстит, иногда жалеет о совершенном; тот, кто прощает, никогда не жалеет об этом.

Александр Дюмаотец

Воскресив в памяти болезненные воспоминания детства, Райан внезапно ощутил чувство вины. Он задумался о Логане и обо всем, чем ему следовало заниматься последние несколько дней. Он нажал на педаль газа «Хонды» и взглянул на часы. Если он поедет прямо, никуда не сворачивая, то успеет домой как раз ко дню рождения сына. Разумеется, если сумеет не спать так долго.

К тому моменту, когда часы показывали четверть шестого утра, изза горизонта начало выползать проснувшееся солнце. Было уже поздно останавливаться в отеле, а Райан был на таком взводе изза избытка адреналина, что было совершенно ясно – ему не уснуть. На какое-то время его немного успокоила монотонность движения по бесконечной автостраде, соединяющей два штата; взбудрили кофе, выпитый по пути в придорожной закусочной, да еще неприкрытая ненависть, льющаяся из АМрадиоприемника чередой разъяренных голосов белых мужчин, которые обличали разный *сброд, измену, кабалу* и прочее. Он и представления не имел, что подобные слова все еще не вышли из повседневного употребления.

Так он и ехал дальше, останавливаясь у станций техобслуживания и у закусочных, чтобы перехватить несколько сырных крекеров с арахисовым маслом, намазанными йогуртом крендельками и полакомиться эскимо Eskimo pie⁵, что, как он надеялся, напомнит ему о том детстве, которого у него на самом деле не было. А в итоге – кишечное расстройство и недомогание.

По дороге он думал о матери, живущей сейчас в окрестностях Дейтона, в штате Огайо; об их последней встрече несколькими годами ранее, когда он наконец убедил ее рассказать ему правду об отце. Он приехал к ней в дом, где она жила вместе с Эрлом, хотя при работе дальноточником того часто не было дома. Она сильно сдала. У нее были слабые легкие и сердце. Получила инвалидность и по большей части лежала на боку на кушетке в гостиной и смотрела телевизор.

- Ты всю жизнь у меня допытываешься об отце, Райан!
- Знаю, но у меня теперь у самого сын, и мне нужно это знать.
- Такому важному профессору, такому известному писателю, как ты! Зачем?
- Мне просто нужно, ма. Ну, пожалуйста!

Мать закашлялась. Она никогда не бросала курить; от многолетней привычки у нее развились стойкий хронический кашель, сильное истощение и слабость. Некогда светлые волосы поредели и поседели, и теперь она зачесывала их назад и стягивала в небольшой пучок. Она превратилась в собственную тень.

– Ну что ж, тебя ждет разочарование. Ведь ты знаешь уже почти все. Осталось

⁵ Eskimo pie – эскимо, ванильный пломбир в шоколаде, который выпускается фирмой «Карнейшн». (Прим. перев.)

рассказать совсем немного. Твой отец просто на просто нас бросил. Я только что родила тебя, а малыши были дома с няней. Пора было выписываться из роддома, и я сидела на больничной коляске у входа с тобой на руках и ждала, когда он приедет и заберет нас. Но он так и не появился. И никогда больше не звонил. Ни одной весточки. Я просидела у входа пару часов, пока не пришла сиделка и не настояла, чтобы мы вернулись в палату. Мне не верилось, что он вот так просто возьмет и исчезнет. И если честно, мне до сих пор не верится. Он никогда не присылал денег. Вот, собственно, и все. На этом точка.

– А вы с ним не ругались?

– Нет.

– Но ведь должна же была быть хоть какая-то причина для его ухода!

«Какая, например?» – спросила мать.

– Не знаю. А как ты тогда добралась домой из больницы?

– На такси.

Значит, с самых первых мгновений жизни он столкнулся с предательством и разочарованием. Неудивительно, что его переполняют горечь и гнев.

Райан взглянул на свои руки.

Мать пристально смотрела на него.

– Понимаешь теперь, почему я не хотела тебе ничего говорить?

Примерно то же самое ему говорила и Софи, что лучше всего не ворошить прошлое. Но это было проще сказать, чем сделать.

* * *

Он заставил себя заглушить двигатель на следующей стоянке и немного постоять в стороне от дороги. Он сидел в машине перед торговыми автоматами, а мимо прошла женщина, до боли похожая на его жену; настолько сильно похожая, что от избытка чувств у него перехватило дыхание.

Он начал думать о Софи; о том, как они впервые познакомились на первом курсе в колледже на занятиях по творчеству Шекспира; о том, каким неправдоподобным ему теперь казался их брак. Воспоминания об этом побудили его поспешить домой, чтобы добраться как можно скорее.

Она была из тех девушек, о свиданиях с которыми он и мечтать не осмеливался: дочь состоятельных родителей; в старших классах провела целый семестр во французской деревне, ездила на собственной синей спортивной машине, носила настоящие золотые браслеты с тонкими цепочками для крепления к запястью. Отец Софи был эндокринологом, врачом, о котором Райан и слыхом не слыхивал.

По сравнению с семьей Софи семейство Райана было чистым недоразумением. Но именно поэтому Софи его и любила. Она была ему нужна, и ей хотелось дать ему все, чего он был лишен в детстве. Он не мог противиться ее обаянию – в ней все нравилось – от приготовленной ею курицы в красном вине с луком до благоухающих ее духами замшевых пиджаков. Он очень быстро понял, что наконец-то обрел то, чего действительно заслуживал.

Однако теперь, когда он ей позвонил, находясь в часе езды до дома, его теплые чувства поостыли. Софи была раздражена, а он не знал, чем именно.

– Райан, в такую рань – еще и шести часов нет!

«Думал, ты уже встанешь», – холодно сказал он.

И чего она сразу обижается?

– Вообще-то я уже занимаюсь приготовлениями ко дню рождения. Я просто боялась, что телефонный звонок разбудит Логана.

– Ох, конечно, вечеринка по случаю дня рождения! И как только я мог забыть об этом всего на 25 секунд...

– Думаю, для тебя не слишком трудно исполнить мою просьбу и приехать на день рождения собственного сына вовремя.

– А я и еду. Я уже много часов за рулем, чтобы не опоздать. Так в чем проблема?

– Не знаю. В твоём отношении. Ты ведешь себя так, будто приносишь огромную жертву. Словно я требую от тебя чемто поступиться. Ведь он и твой сын тоже.

– Софи, пожалуйста! Я страшно измотан. И даже в толк не возьму, что тебя так расстраивает.

– И Логан это тоже чувствует, уж ты поверь! Он способен подмечать малейшие нюансы в отношениях, даже если ты ничего не видишь.

«Не впутывай сюда Логана, – сказал Райан. – У меня сигнал слабый. Почти не слышно», – добавил он и повесил трубку.

* * *

В итоге он резко затормозил у своего дома без малого в семь утра, даже раньше, чем рассчитывал.

Немного помедлил, прежде чем припарковаться и войти. Ему хотелось подождать с часок, насладиться свободой, на которую он, по его мнению, имел полное право.

С самого рождения Логана Райан намеревался быть ему хорошим отцом, хотя и с трудом представлял себе, что это значит. Кроме того, всем в семье верховодила Софи благодаря обширным, отточенным материнским навыкам. И пока Райан мямлил и колебался, у нее всегда было верное решение наготове. Она могла взять хнычущего Логана на руки, поцеловать и успокоить его и решить любую проблему, пока Райан взвешивал все «за» и «против».

Едва у Райана родился сын, он стал относиться к нему с боязливой любовью и трепетом. Еще в больнице он все время опасался, что младенца уронит медсестра, что кто-нибудь перепутает новорожденных и ему дадут чужого ребенка; что у сына разовьется тяжелая, невиданная доселе аллергия или инфекция, от которой он если и не умрет, то будет сильно отставать в развитии. Но на большее его не хватало, он лишь понапрасну тревожился сам и изводил своими страхами и Софи, и медицинский персонал.

По мере того как сын подрастал, Райан становился все более беспокойным отцом. Он знал, что мог бы заняться с Логаном множеством вещей, даже когда тот еще только начинал ходить – играл бы для него детские произведения Моцарта, обучал бы его упражнениям, которые развивают зрительнодвигательную координацию; научил бы его сначала ползать, а потом делать первые шаги. И вот теперь, когда Логан вырос, Софи хотела, чтобы отец научил его играть в бейсбол, футбол и теннис – в спортивные игры, в которых Райан и сам плохо разбирался. Или вместо этого, может, он поговорит с Логаном о честности, возмужании и сексе? Но Райан был гораздо больше озабочен наблюдением за внешним миром – ужасным, по его мнению, местом, где полнымполно коварных автострад, смертельной отравы и подозрительного вида мужчин – растлителей и похитителей детей, рыскающих по супермаркетам в поисках очередной жертвы.

«Посмотри вон на того парня в синей майке, – обратился он к Софи во время одного из их редких совместных посещений супермаркета в прошлом месяце. – Он уже стоит там целых пять минут и все время пялится на Логана. Думаю, о нем нужно сообщить куда следует».

– Кому? В отделение полиции по борьбе с дурными мыслями? Он стоит просто так, как и ты. Да что с тобой?

Девятилетний Логан был теперь еще более отдален от отца, чем прежде, словно загипнотизирован электронным миром игровой приставки Nintendo DS и мобильного телефона, против покупки которого Райан возражал с самого начала, но который Софи считала необходимым для сына по социальным причинам. Логан с головой ушел в притягательные видеоигры, изза которых и он, и все его поколение росли неграмотными. Как

Райану хоть ненадолго привлечь внимание мальчика, чтобы хоть чемуто его научить? Кажется, это совершенно невозможно. Так что по большей части он не вмешивался, просто сидел с сыном за завтраком, отхлебывая кофе, пока Логан кликал кнопками игровой приставки Nintendo DS, держа ее на коленях. Сидеть поблизости от своего ребенка – разве и это тоже не было родительским делом? Всего лишь *присутствовать* там, где был сын.

И все же временами Райан задумывался, а не лучше ли было всю жизнь оставаться холостяком, сочинять свои непопулярные книжки, по вечерам каждый раз заказывать «особое блюдо» в недорогом местном ресторанчике, заводить романы с почитательницами из числа студенток, которые можно было прекратить, прежде чем возникнет настоящая близость. И не слышать ни от кого попреков, что он неудачник, не оправдавший надежд.

Без бремени брака и отцовства он был бы свободен от обязательств, от ипотечного кредита, от ужасной тяжести на сердце. А сейчас он был не волен уйти с работы, даже если та ему опостылела, или снять небольшую комнатку и целый месяц писать, не ощущая тяжелой ноши обязательств, которая не давала ему распрямиться.

Разумеется, подобные соображения не остановили его отца. «Но ведь я не такой, как отец, у нас нет ничего общего», – все время твердил он, убеждая сам себя.

Он перестал думать об этом, увидев сына, который распахнул дверь и выбежал ему навстречу в пижамах. Мальчик был шатеном с густыми вьющимися волосами с рыжим отливом и выразительным ртом с печально опущенными уголками.

Младенцем Логан больше был похож на родню Райана. И отец подолгу выискивал в этом только что появившемся на свет лице черты сходства с родственниками по линии своей матери, поскольку родственников со стороны отца он почти не знал. Лоб у Логана был похож на старого доброго дядюшку Конвея в вечно промокших сапогах из магазина, где продавали радиаторы. Профилем сын пошел в брата Дэйва. А смеялся как давно умершая тетюшка Люсиль – большая любительница тойпуделя и бренди, – которая была древней старушкой уже тогда, когда родился Райан. Но теперь, когда Логан подрос, он стал больше похож на родственников по линии Софи – стройных и крепких. При мысли об этом Райан вдруг ощутил мучительную тревогу – что, если Логан был слишком женственным, чересчур изнеженным?

– Па, ты вернулся!

– Разумеется, вернулся! – сказал Райан, невольно впадая в обиженный тон. При виде сына его захлестнуло чувство вины и вымученной любви.

– Я же обещал маме, что приеду вовремя! Она тебе разве не сказала?

Логан на какое-то мгновение повис у Райана на ноге и ничего не отвечал. Отец смотрел на сына, и его сердце переполняли противоречивые чувства. Сам он в детстве был лишен отцовской привязанности, поэтому никогда не был уверен, правильно ли себя ведет по отношению к Логану.

Изначально в семье именно Райан хотел завести детей, а Софи полагала, что сначала должна стать художницей, дома писать картины и завоевывать себе репутацию в окрестных художественных галереях. Но ненадежность и переменчивость мира искусства заставили ее изменить взгляды. Слишком уж сильной была конкуренция в живописи и борьба не на жизнь, а на смерть за место под солнцем. Она разочаровалась в изобразительном искусстве и все больше восхищалась перспективой материнства.

«Я для этого просто создана», – твердила она, и действительно, роды у нее были быстрыми, и пока другие матери маялись изза кормления грудным молоком, у Софи не было с этим ровным счетом никаких проблем. И вот теперь, спустя десять лет после свадьбы, именно она жаждала снова завести ребенка, хотя им обоим было уже за сорок. А Райан, наоборот, стал относиться к этому скептически.

Он считал, что и с одним ребенком в их жизни достаточно хлопот. В самый

неподходящий момент, когда у него не было или желания, или времени, Софи вечно поручала ему чем-то заняться с Логаном. Он что, непременно должен был отложить работу над книгой, чтобы почтить сыну перед сном; причесывать его или выслушивать, как прошел день в школе, когда Софи всегда была рядом и отлично бы с этим справилась?

Он раньше не представлял, как много времени может уходить на воспитание детей. Родительские заботы могут поглотить *все время*, стоит только дать слабину. Но он упорно сопротивлялся, не позволяя этой стороне его жизни захватить его целиком.

И поэтому его обуревали противоречивые чувства при мысли еще об одном ребенке, если только не быть уверенным, что непременно родится девочка, которая будет обожать его, а он души в ней не чаять. Ему казалось, что воспитание дочери не требует таких больших отцовских усилий, что девочки живее и приятнее, а с мальчиками и юношами в любой момент может что-то случиться, и отец всегда останется в неведении, как и почему это произошло.

Райан положил руку Логану на голову, словно давая свое благословение.

– Тебе сегодня исполняется девять лет. Просто не верится!

– Вчера исполнилось, – поправил его Логан. – А сегодня празднуем день рождения.

– Ох! – Райан опустил руку и поднял свой «дипломат». Может, именно поэтому во время телефонного разговора была так раздражена Софи – он точно не помнил, когда именно родился его сын.

– Пошли домой. Где мама?

– Она печет блинчики и готовит окорок.

– Отлично!

Их светлый и просторный дом был построен в 20е годы, а капитально отремонтирован в 80х. Софи – чуть за сорок, светловолосая и стройная, с заостренными чертами лица, в футболке – хлопотала у плиты. «Она даже со спины выглядит выразительно», – подумал Райан. Софи обернулась и с наивным укором посмотрела на него, потом подошла и обняла, не выпуская из рук кухонную лопаточку. За ней по пятам, виляя длинным хвостом из стороны в сторону, шла всеобщая любимица Митци – помесь лабрадора с ретривером золотистой масти.

Собака была полноправным членом семьи, ее взяли из приюта для животных и уделяли даже больше внимания, чем Райану. Ревновать к собаке – жалкое занятие, но Райан действительно ревновал.

Митци достаточно было прийти домой с прогулки, просто сесть или залаять, как Логан и Софи начинали смеяться, восторгаться ею и ласкать. А когда Райан возвращался с работы, его почти не замечали.

– Нельзя это брать, это для собаки, – сказала Софи, когда он протянул руку за куском окорока.

– Что ты имеешь в виду? Мне же тоже поесть нужно!

– Возьми индейку. В окороке нет нитратов, а у Митци аллергия.

– Ого, а я, значит, могу есть нитраты сколько душе угодно?!

– Да ладно, Райан! У тебя ведь не будет аллергической реакции. И потом, она все равно не ест индейку.

– Что ж, и я не стану!

Он вышел и, надувшись, направился к себе в кабинет, где начал распаковывать вещи.

В конце концов он добился того, чего хотел: Софи появилась на пороге кабинета и принесла бутерброд с ветчиной на поджаренном тосте, именно так, как ему нравилось. Но при этом она не сказала ни одного ласкового слова, поэтому Райан остался демонстративно равнодушен к ее жесту. И только когда зазвонил телефон и Софи вышла из комнаты, он с жадностью проглотил бутерброд.

Вошла Митци, уставилась на него, выпрашивая подачку, виляя хвостом. По выражению Логана, она была из «числа смертников», ее едва не усыпили. Ее присутствие служило постоянным напоминанием о том, что, не приди они в самую последнюю минуту, с ней было бы покончено навсегда. И оттого, что собаку спасли буквально перед самой гибелью, она была всем особенно дорога.

«Ну, как можно было бросить ее?» – горестно восклицал Логан, когда увидел собаку в первый раз, отчего у Райана резкой болью пронзило сердце.

Ответив на телефонный звонок, Софи вернулась:

– Ты приехал раньше, чем обещал.

– Да, – он нерешительно помолчал. – Думал, ты будешь рада.

– Конечно, рада, – произнесла она тоном, в котором слышалось что угодно, только не радость.

Минуту оба стояли молча.

– Ты рад, что съездил? – спросила Софи.

Он неопределенно пожал плечами:

– Ну, с ним я так и не повидался!

– Но зато бабушку повидал!

– Угу, в гробу!

– Что ж, надеюсь, поездка того стоила, – произнесла она неожиданно резко. – Знаешь, управлять по дому одной целых три дня нелегко.

Ну вот, опять. Райан ждал чего-то в этом роде. Что ни делай, ей не угодишь.

Глава IV

Современный подход к изложению важной идеи часто бывает прямолинейен. Мы любим оперировать фактами и цифрами, прибегать к аналитическому подходу. Но более древние, исконные культуры редко передают важные мысли таким способом.

Вечеринка по случаю дня рождения состоялась спустя семь часов, а Райану это показалось неделей. Столько приготовлений! Надувать воздушные шары, печь торт и планировать игры. Груда подарков в кладовой, вся эта фольга, и ленточки, и позолоченная мишура! словно его сын был принцем!

А Райану хотелось лишь одного – улизнуть к себе в кабинет и поработать. Но стоило ему присесть и собраться с мыслями, как его отвлекала Софи.

Не поможет ли он подключить баллон с пропаном? Не принесет ли еще сосисок? Не выяснит ли, куда подевался мороженщик?

Райан в детстве ни разу не праздновал свой день рождения. А Логан (да и его друзья) были настолько избалованы, что каждый день рождения превращался в торжество, по пышности превосходящее предыдущее.

Все данные ему поручения Райан выполнял с нарочито расстроенным видом, что не могло остаться для Софи незамеченным. Не исключено, что она убеждена: он обязан компенсировать ей свое долгое отсутствие и заботы о Логане; можно подумать, *он ездил на похороны веселиться!*

Разумеется, Софи утверждала бы, что дело совсем не в поездке на похороны, а в том, что Райана слишком подолгу не бывало дома. И он действительно часто отлучался, большую часть года разъезжая по конференциям и симпозиумам. Он еще до свадьбы предупредил Софи, что после женитьбы ему придется много ездить. В конце концов, он ведь был не только ученым, но и писателем! Если его приглашали на конференцию, симпозиум или заседание комитета, нужно было ехать. Ведь он должен был конкурировать на равных с более энергичными, молодыми коллегами, которые были свободны и могли когда угодно

выступать на любом форуме, где хотели. Чтобы не потерять работу, устные выступления на научных конференциях и публикации были жизненно необходимы Райану.

Именно это он и пытался сделать сейчас – закончить доклад об устойчивом экономическом росте, который предстояло делать на конференции в Сан-Франциско через два дня. Поездка на похороны бабушки совершенно выбила его из намеченного графика. Если он вовремя не представит этот доклад и его не опубликуют, заведующий кафедрой начнет распекачать Райана.

Стресс, связанный с написанием научных работ, усугублял общее тяжелое бремя на его плечах – преподавательской работы, выплат по ипотечному кредиту, а также своевременной выплаты по займам, сделанным еще в студенческие годы – все это долговое бремя за минувшие годы росло как снежный ком.

Дома у него в кабинете в чемодане уложено с десяток экземпляров последней книги наряду с буклетами и тезисами доклада для слушателей. А рядом с чемоданом лежало недавно отпечатанное объявление, на котором было написано:

ДОКТОР РАЙАН КИЛГОР
Университет Святого Иоанна
Презентация доклада –
пятница, 16.00.

Презентация на тематическом семинаре – воскресенье, 14.00.

На принтере загорелся красный индикатор – как назло, в самый неподходящий момент принтер встал. Райану нужен был новый принтер. Но Софи настаивала, что им необходимо откладывать каждый цент на образование Логана. И чтобы его сын мог поступить в частную школу, Райан был вынужден довольствоваться старой моделью. Он в отчаянии стукнул по принтеру, и в это время Софи тихо постучала в дверь.

Он сделал вид, что не заметил ее. Когда она отвернулась, он оторвал глаза от принтера. На заднем дворе вокруг бассейна играла группа детей. Райан считал бассейн токсичной ямой, поглощающей прорву денег. Для его обработки все время требовались различные ядовитые химикаты, которые, должно быть, проникали прямо через детскую кожу.

Примерно дюжина ребятишек толпилась вокруг Логана, с хохотом поливая Митци водой из шланга. Собака яростно огрызалась и громко лаяла.

Райан продолжал неравный поединок с принтером, он заметил, что в нем замяло бумагу.

– Да ну же, черт тебя побери!

Софи снова постучала в окно.

– *В чем дело?*

– Нам еще нужны полотенца.

Он не обратил внимания на ее просьбу.

– Мне удалось напечатать всего половину тезисов для доклада. И эта дурацкая машина перестала работать. Вы что-нибудь с ней делали, пока меня не было? Может, картридж меняли или еще что?

У нее вытянулось лицо. Она заговорила непривычным, холодным тоном.

– Никто не прикасался к твоему драгоценному принтеру, Райан. У меня есть чем заняться. Это день рождения твоего сына. И мне действительно нужна твоя помощь...

– Эй, я же согласился отвезти домой детей Рэндаллов. А теперь мне нужно закончить вот с этим, ладно? У меня меньше часа на то, чтобы отослать доклад для публикации в журнале к конференции. Если я не успею сделать это вовремя, то его не напечатают. Ведь ты же хочешь, чтобы я остался на работе, так?

Он нервно расхаживал по кабинету, словно во всем была виновата Софи.

– Может, ты все-таки улучишь минутку и придешь посмотреть, как задувают свечи на торте сына? – спросила она.

– Да, отлично! Просто скажи когда.

– Через пять минут, – сухо ответила Софи.

– Да, дорогая.

Райан вернулся к компьютеру и попытался снова распечатать текст, но принтер все равно заминал бумагу.

Митци трусила по коридору и забрела в кабинет, вся мокрая, растянулась перед новым, недавно напечатанным объявлением Райана.

– Митци, пошла вон отсюда!

Собака подумала, он зовет ее к себе. И встала, чтобы подойти.

– Митци, нет, стоять!

Она наблюдала за ним, затем на ней начала подрагивать шерсть.

– Митци, фу!

Собака с наслаждением отряхнулась, забрызгав все объявление.

– Нееет!!! – закричал Райан, а затем разразился длинной чередой ругательств. По всему объявлению растеклись синие чернила. Райан шлепнул собаку по заду. Она жалобно посмотрела на него, когда он схватил ее за ошейник и потащил наружу к бассейну.

На улице дети притихли при виде разгневанного Райана, появившегося у открытой сетчатой двери.

– Логан! – строго позвал он сына. – Подойди ко мне сейчас же!

Погрустневший сын медленно подошел к нему.

– Почему сетчатую дверь не закрыли?

– Не знаю. Я этого не делал!

– Не имеет никакого значения. Ты обязан следить, чтобы она была закрыта.

Софи, всегда изображавшая «хорошего полицейского», попробовала вмешаться:

– Милый, давай не будем...

– Нет, Митци – его собака, и у нас была договоренность! О чем, скажи?

Логан покраснел оттого, что его унижают перед друзьями. Он ответил едва слышным голосом:

– Всегда закрывать сетчатую дверь.

– Райан, ведь у него сегодня день рождения, – снова попыталась заступиться Софи.

– И какое это имеет отношение к происходящему? Он должен понимать, что такое ответственность. Необходимо соблюдать все договоренности. Тебе это понятно?

Логан повернулся и пошел в дальний конец двора.

– Уход – это не ответ, Логан!

Остальные дети в неловком молчании стояли вокруг, не зная, как реагировать.

С точки зрения Райана они были всего лишь группкой избалованных и плохо воспитанных парней – сыновьями финансовых менеджеров и их словно выставленных напоказ жен – бездушных блондинок с длинными ногами и микроавтобусами, которые занимали сразу два места на парковочных стоянках. Разумеется, он преувеличивал, но ничего не мог с собой поделать. Один из отцов занимался нефтяными фьючерсами, что бы это ни было, вряд ли что-нибудь хорошее. Райану всегда хотелось, чтобы у Логана были друзья, у которых родители были бы социально ответственными людьми, но Софи подняла его на смех. В их районе, судя по всему, таких людей просто не было.

Логан угрюмо стоял в углу двора в полном одиночестве, поникнув головой. Было похоже, что он вот-вот разрыдается.

Райан уже пожалел, что был так резок.

– Ладно Логан! Все не так уж плохо!

– Нет, плохо, – произнесла Софи. А потом обратилась к детям: – Ладно, ребята! Давайте пообсохнем и попробуем торт.

Затем повернулась к Райану, ее овальное лицо – просто воплощение холодной ярости, –

выражение, которое он достаточно часто видел у нее в последнее время. Она была так сердита, что это было ясно без слов.

«Я отвезу детей Рэндаллов домой», – произнес он, словно делая попытку к примирению.

– Нет. Я сама это сделаю. Как и все остальное тоже.

– Слушай, я же ведь не злодей. Просто я старался...

– В холодильнике внизу есть целая упаковка пива – шесть банок, – перебила она его. – Почему бы тебе не охладиться и не проветриться, если ты все равно больше ни на что другое не способен.

Она пошла утешать Логана.

Никто и не пытался утешить Райана, который минуту стоял, чувствуя себя настоящим чудовищем. Но наряду с этим он был и обижен. Почему от него требовали не только содержать семью, но еще и быть образцовым отцом?

* * *

Он медленно спустился по лестнице в темный подвал, по пути щелкнув электровыключателем. Но вместо того чтобы попасть в знакомую комнату, он оказался в тускло освещенном баре.

Здесь было холодно, стояла зловещая тишина. Слышалась лишь песня в исполнении Джонни Кэша⁶. Она раздавалась из самого светлого места в помещении – из освещенного музыкального автомата старой декорированной модели 60х годов, переливавшегося синими и красными огоньками.

Несколько седых людей, сгорбившись, сидели на высоких барных табуретах, что-то пили из темных бутылок. Их было почти не видно, очертания были размыты, словно в тумане. Но лицо каждого казалось Райану странно знакомым.

Это, случайно, не почтальон, который доставлял почту на их улице – тот, что погиб много лет тому назад, попав в аварию на мотоцикле на автостраде? Райан придвинулся ближе. А это часом не толстый брат миссис Лузи, который летом возил тележку с мороженым и которого всем маленьким мальчишкам в округе было строгонастроено велено обходить? Чем ближе подходил Райан, тем более размытыми становились очертания их лиц. В одном конце бара сидел пожилой мужчина в рваной белой ковбойской шляпе «стетсон» и курил сигарету. Только его черты лица становились все отчетливее и яснее по мере приближения Райана. У него бешено заколотилось сердце. Это был его отец, только выглядел значительно старше, чем на фотографии.

Райан закрыл глаза, потом снова открыл. Может, у него припадок? Или галлюцинации? Или это сон наяву? Он решил, что это не имеет значения; он подошел и сел с мужчиной рядом.

Похожий на тень бармен, не говоря ни слова, подтолкнул бутылку пива в сторону Райана. Райан взял бутылку и отхлебнул. Оказалось, что он беседует с отцом, словно их разговор продолжался вечно.

«Я изо всех сил стараюсь поступать правильно, – сказал он. – Никогда не повторять твоих ошибок. Я не совершенен, но, по крайней мере, я знаю, как себя вести и как не увилывать от ответственности в отличие от тебя...»

Он посмотрел на отца. Казалось, что все его проблемы коренились в этом молчаливом человеке, с морщинистым, грубым лицом и впалыми щеками.

Роберт затянулся сигаретой и уставился перед собой так невозмутимо, словно Райана здесь и не было, словно он не слышал ни слова. Он был погружен в раздумья, был где-то

⁶ Джонни Кэш – известный американский певец в стиле кантри. (Прим. перев.)

далеко.

«Знаешь, я совершенно не похож на тебя. Абсолютно, – продолжал Райан. – Я не обижаю людей. Я их не бью. И не пускаюсь в бега, потому что настали тяжелые времена. Я не снимаю с себя ответственность, как какойнибудь эгоистичный сукин сын».

Его отец попрежнему оставался совершенно равнодушным к его словам и присутствию.

И все же, когда мимо прошла симпатичная молодая барменша, Райан заметил, что Роберт заигрывающе ей подмигнул.

«О, значит, времени поговорить со мной у тебя нет, а ухлестывать за девушками время нашлось? Что, собираешься в очередной раз охмурить дамочку, жениться на ней, а потом бросить, как бросил маму? Еще одна жертва соблазна, чтобы было кем помыкать? Ты ведь не слыхал ни слова из того, что я тебе тут говорил, верно?»

В приступе мгновенно охватившего его гнева Райан опрокинул бутылку с пивом. Коричневая жидкость вспенилась на столешнице. Его отец попрежнему на него не реагировал, но лицо посерьезнело, когда он наблюдал за тем, как пиво медленно стекало по барной стойке и образовывало лужицу около его собственной бутылки.

Он встал, собираясь уходить, положив доллар на барную стойку.

Райан повернулся к нему лицом, готовый к драке.

«Давай, скажи чтонибудь. Произнеси хоть что-то, ну хоть слово!»

Роберт поправил шляпу, повернулся и направился к лестнице.

«Не уходи! – закричал Райан, его гнев сменился мольбой. – Вернись!»

Роберт, молча поднимался по лестнице, Райан следовал за ним по пятам, но у него ноги словно увязли в цементе, и он едва мог шевелиться. К тому времени, как он поднялся по лестнице, фигура отца постепенно начала таять, пока окончательно не исчезла.

Перед Райаном были лишь хозяйственные щетка и тряпка, которые кто-то прислонил к стене около двери. Райан остановился и головой коснулся стены. Что с ним происходит? Может, он действительно начинает сходить с ума?

Он вернулся на их слишком ярко освещенную кухню. Там стояла Софи с полотенцем в руке.

– Все дети уже ушли, так что можешь возвращаться в свой любимый кабинет! – сказала она.

Райан не нашелся, что сказать в ответ.

Глава V

Подлинная мудрость, реальные идеи, которые действительно в состоянии помочь нам решить наши многочисленные дилеммы в области экологии, – эти древние знания существуют в подобных старых обществах с традиционным культурным укладом, но передаются они не напрямую, а опосредованно, с помощью метафор и устных преданий.

Той ночью ему не спалось. Вновь и вновь проигрывал в уме пережитую в подвале сцену. Почему вдруг появился отец? И почему так безвозвратно исчез? Могли ли эти галлюцинации быть признаком какой-то болезни мозга? А, может, он перенес инсульт? Нужно ли набраться смелости и рассказать обо всем Софи, или она так встревожится, что немедленно потребует от него показаться врачу?

– Что случилось? – пробормотала она. – Ты уже несколько часов ворочаешься в постели?

– Не знаю, просто места себе не нахожу.

– Может, хочешь об этом поговорить? – тихо спросила она, погладив его по спине.

– Нет.

Она немного помолчала.

– Тогда, может, примешь таблетку или еще что? Ты и мне заснуть не даешь, а ведь у меня завтра дел непочатый край!

Он встал, проглотил таблетку снотворного и прилег на диван.

Хотелось рассказать ей про поездку в Мичиган, обо всех воспоминаниях, о странном видении отца, что явилось ему. Но он побоялся. Ведь со стороны это выглядело настоящим сумасшествием. А не то Софи еще заставит его посещать психотерапевта!

Он подумывал о том, чтобы вернуться, чтобы обнять ее, обычно это хорошо помогало от бессонницы. Но снова беспокоить ее не хотелось.

Обивка дивана колола кожу сквозь наброшенную на него простыню. И что еще хуже, диван стоял рядом с комнатой сына; так что ему были слышны доносившиеся оттуда сопенье и крики, похоже, от ночного кошмара. Вероятно, Райан окончательно испортил их отношения.

Всю ночь он неотступно думал о странном происшествии – появлении Роберта – о том, что это было такое и что могло означать. И еще важнее, как беспомощно он себя повел после стольких лет при этой первой возможности пообщаться с отцом – пусть тот и был всего лишь плодом его воображения.

Почему он не потребовал от него немедленного ответа, не узнал, по какой причине он бросил семью? И почему не допытывался, чем тот может компенсировать матери долгие годы боли и утрат?

И чем больше он об этом думал, тем острее были ненависть и сожаление. Отца нужно было сразу ударить. Нужно было схватить и притащить к Логану. Следовало...

И тут вопреки своему желанию он заснул.

* * *

Райан встал рано, оделся и собрался уезжать. Он вошел на кухню, где Софи с присущим ей холодным спокойствием, делая вид, что ничего не случилось, готовила кофе в кофеварке. Но в воздухе чувствовалось возникшее между ними напряжение.

– Доброе утро, – сказала она, наливая кофе в чашку. – Успел отослать доклад на конференцию?

– Я так и не получил ответа по электронной почте, так что, полагаю, выясню это, когда приеду туда. Это не так уж и важно. Все равно никто эти журналы не читает.

Софи резко повернулась к нему:

– Разве? А я думала для твоей работы жизненно важно, чтобы тебя публиковали. Разве ты не поэтому вел себя вчера как тиран, унизив сына перед его друзьями?

– Послушай, Софи, может, я слишком бурно реагировал вчера на поступок Логана. Чувствую себя ужасно...

– Ты всегда чувствуешь себя ужасно, – сказала Софи. – Потом... А мы чувствуем себя ужасно, когда все это происходит!

Она вышла в холл и позвала Логана.

– Поди сюда, дорогой! Пора отправляться!

Райан уже стоял у выхода, собирая чемоданы, когда заметил Логана, который, согнувшись в три погибели, присел на корточки наверху лестницы, видимо, стараясь дождаться ухода Райана и только потом спуститься.

У Райана в груди защемило сердце.

– Эй, приятель. Ты ведь уже взрослый парень! Присмотришь за мамой в мое отсутствие, о'кей?

Логан ничего не ответил и даже не взглянул на него.

– Я скоро вернусь.

В ответ ни слова.

Райан вышел из дома, оставляя позади одну территорию «чужаков» и отправляясь в другую.

* * *

Хотя Райан провел почти половину жизни в разъездах, он каждый раз был в раздраженном предвкушении присущих любому путешествию неудобств. Во время часовой поездки в автобусе, курсирующем между городом и аэропортом, Райан был окружен многословными бизнесменами, непрерывно говорящими по мобильным телефонам, и ему так и не удалось хоть немного вздремнуть, в чем он так нуждался. В аэропорту в очередях томилось множество народу. В очереди на пропускном пункте он оказался позади индианки в сари бирюзового цвета, на которое среагировала контрольная сигнализация, и всем пришлось ждать, пока женщину тщательно обыщут. Внутри в самолете было сущее пекло, от соседа по салону очень сильно пахло лосьоном после бритья, словно он облился им с ног до головы; вдобавок он тараторил без умолку. От всего этого Райану просто хотелось взвыть. А после приземления пришлось долго ждать заранее взятую напрокат машину, так как номер его заказа просто потеряли.

Как только сел в машину, тут же, как в ловушке, застрял в автомобильной пробке. Лучи палящего солнца ярко отсвечивали от металлического корпуса сотен вставших на прикол автомобилей. И с этой точки зрения Сан-Франциско, куда он так стремился попасть, мало чем отличался от пригорода Нью-Йорка, по улицам которого он ездил каждый день. По крайней мере, там хоть машина была своя. Когда Райан включил кондиционер в этой крохотной обшарпанной машине, прохладнее не стало ни на йоту. Он вертел ручками, нажимал кнопки, но вентилятор все равно не работал.

Каждую из этих неприятностей Райан ощущал как личную обиду, а с каждым разом все усиливающееся общее недовольство собственной жизнью усугубляло и без того чеканно суровое выражение его лица. И умываясь по утрам, он все чаще замечал в зеркале именно такое выражение. Он зло щурился и сжимал зубы. И выглядел так, словно постоянно находился в состоянии боевой готовности.

Если не следить за собой, то очень скоро он станет похож на свою бабушку, с застывшим на лице выражением постоянного недовольства.

Ко времени приезда в отель, где должна была проходить конференция, Райан был измотан. Он вошел в атриум гостиницы и увидел большой приветствующий участников плакат с надписью «КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ НОВОГО ГЛОБАЛЬНОГО ЗЕЛЕНОГО ДВИЖЕНИЯ – ЭКОЛОГИЯ, РАЗНООБРАЗИЕ И БУДУЩЕЕ ЗЕМЛИ».

Небольшая группа делегатов регистрировалась у стойки, оживленно разговаривая, набирая брошюры и информационные материалы.

Райан ощутил прилив уверенности при виде этой группы. По крайней мере, здесь его ценили и уважали, здесь он собой что-то представлял. Он надел очки, чтобы изучить расписание. И оказалось, что его выступление перенесли из одной аудитории в другую, значительно меньшую по размеру. Причина его ошеломила: в назначенное ему время и в отведенной ранее ему аудитории будет выступать Ал Гор.

Райан поднял глаза от расписания и увидел, как Ал Гор вошел в атриум и начал беседовать с организатором конференции.

Райан приблизился к молодому человеку, составлявшему комментарии к списку:

– Не знал, что Гор будет выступать.

Молодой человек улыбнулся:

– Никто не был уверен, все прояснилось в последний момент.

Райан нахмурился:

– Значит, он выступает в то же время, что и я. Я Райан Килгор. И вы отвели ему более

просторную аудиторию, где должен был выступать я, верно?

– Ну, он ведь главная достопримечательность. Это гораздо рациональнее...

– А почему меня не известили заранее?

– Вчера до самого позднего вечера еще не было никакой определенности. Полагаю, у него нет четко расписанного графика. То есть я хочу сказать, он ведь Ал Гор. Никто не предполагал, что возникнут проблемы.

– Ну а для меня это проблема!

Молодой человек отвернулся и начал что-то говорить в головной телефон, явно тут же забыв о Райане, который разгорячился, а затем и побагровел от досады.

Воспоминания обо всех пережитых за неделю обидах волной нахлынули на него: собака, Софи, Логан, неприятности и унижения во время поездки, и все это только для того, чтобы по прибытии на конференцию оказалось, что его там не слишкомто и ждут.

От избытка чувств Райан не мог просто так оставить эту тему. Он перебил молодого человека, продолжавшего что-то бормотать в головной телефон.

– Знаете, мне просто не верится! Кто же пойдет на мое выступление, если здесь Ал Гор?

Молодой человек вымученно ему улыбнулся.

– Уверен, у вас будет множество слушателей. Не каждому нравится Ал Гор.

– Убежден, что вы ошибаетесь. Покажите, куда вы перенесли мое выступление.

В какойнибудь чулан?

Это был не чулан, а кафетерий для персонала с торговыми автоматами, гудящим холодильником и добровольной помощницей оргкомитета по имени Амбер – бойкой темноволосой девушкой лет двадцати, которая уже озабоченно устанавливала небольшой столик для игры в карты с экземплярами нового доклада Райана и афишей, посвященной его книге о племени майоруна в Бразилии.

Со сложенных в этой ужасной комнате обложек его книг, которые казались еще более убогими, чем прежде, в буквальном смысле неслись душераздирающие крики о том, что книга была опубликована на средства автора. Организаторы конференции снизили цену до 5,95 доллара, что уже само по себе было оскорбительно, поскольку публикация каждого экземпляра обошлась Райану в 8,95 доллара. Его объявление было безнадежно испорчено изза воды, которую случайно дома разбрызгала собака, и теперь афиша выглядела полюбительски, словно была нарисована детской рукой.

– Интересно, как меня вообще найдут, если и захотят? Ведь я даже не в главном здании, – пробормотал Райан.

– Об этом не беспокойтесь, – ответила Амбер. – Вас найдут. В программки напечатали вкладыши с указанием изменений в аудиториях. И потом, это же только на сегодня. На завтрашнем семинаре вы снова выступаете в главном здании.

– А какой в этом прок, если основного доклада никто не услышит?

Амбер засмеялась так, словно его пессимизм был просто очарователен.

– Сегодня позже вечером будет частная вечеринка с участием Ал Гора. Может, мне удастся вписать вас в число приглашенных.

– А разве я еще не приглашен? Я полагал, что меня запишут как одного из основных докладчиков.

– Они стараются ограничить число присутствующих. Попробую подергать за нужные ниточки.

– Не стоит беспокоиться! У меня все равно нет времени, чтобы туда пойти. И вообще все происходящее оскорбительно. И глупо! Если у Ал Гора есть чувство самосохранения, то он будет держаться от меня подальше!

Райан взял свое объявление и подставку и установил его снаружи у входа в кафетерий. Едва он закончил, как внезапно его со всех сторон окружила небольшая группа охранников крепкого телосложения, каждый с маленьким микрофоном в ухе.

– Проходите с нами, сэр! – сказал самый крупный из них.

– А в чем дело? Я собираюсь провести презентацию!

– Уверен, публика вас подождет!
– Ох, господи, ты, боже мой! – воскликнул Райан и вместе с ними поднялся на лифте этажом выше. – Так что же все-таки происходит? – спросил он.
– Судя по поступившим данным, вы только что высказывали угрозы по отношению к мистеру Гору, – ответил самый низкорослый из секьюрити.
– Ал Гор занял мою аудиторию, вот и все!
– И что вы собирались предпринять по этому поводу?
– Ничего. Я просто выпустил пар! Я очень уважаю мистера Гора.
Райан чувствовал, как жар и краска все больше заливают его лицо.
– Вряд ли мои высказывания значат что-то другое!
– Надеемся, что нет. Но мы будем за вами присматривать все время, пока вы тут!
Помните об этом!

– О'кей! Ладно! Мне действительно жаль. Я могу идти?
– Да. Можете!
Райан бросился к лифту, глядя на часы. Он опаздывал на целых десять минут.
К нему подошел на вид знакомый человек, лысый, со спокойным выражением на лице.
– Вы тоже участник конференции?
– Да, – ответил Райан, отчаянно нажимая на кнопку вызова лифта.
– Собираетесь устроить презентацию?
– Да, – Райан все еще не опомнился от произошедшего и был сильно обескуражен тем, что его обвинили, как простого уголовника.

– А о чем она будет? – не унимался мужчина.
Пришел лифт, Райан взглянул на говорившего с ним человека.
– Извините, я опаздываю, – он вбежал в лифт и, когда снова открылись двери, помчался на презентацию. – Извините, ребята, за опоздание! Меня задержали, – сказал он.
Он посмотрел на малочисленную группу собравшихся его послушать. По всей аудитории едва набралось бы 20 человек, они сидели поодаль друг от друга, и еще оставались свободные складные стулья, которые поставила Амбер. Она также опустила занавесперегородку, чтобы помещение казалось меньше. Иначе аудитория была бы заполнена едва ли на четверть.

Райан не просто был разочарован. Он был настолько обескуражен, что ему казалось, за ним кто-то все время наблюдает и насмешливо отмечает его жалкий успех. Ощущение неудачи было всеобъемлющим; казалось, оно коренится в далеком прошлом. Что именно это было? То, что он ощущал, когда мальчиком заполнял какой-нибудь бланк и ставил прочерк в графе «Отец»? Или пустое место в зале, когда он выступал в хоре или играл на барабанах после окончания школы или колледжа. Это, как он сознавал, не имело никакого отношения к его собственным поступкам, но он невольно чувствовал себя виноватым.

Послышался шорох. Он оглянулся, увидел, что колыхается алая портьера. Там только что кто-то был, но явно уже ушел. Райан был уверен, что это мужчина, хотя и не мог точно объяснить, почему именно.

«Отлично, – подумал он. – Еще одна *галлюцинация*».

Засветился экран проектора, демонстрируя подготовленную им в PowerPoint презентацию. На первом слайде огромные бульдозеры валили деревья в тропическом лесу, а на переднем плане стоял грустный ребенок из племени майоруна.

Райан продолжил лекцию:

– Предлагаю искать самые эффективные решения сложившейся сегодня ситуации в культурной мудрости и самобытном наследии еще сохранившихся, примитивных коренных народов мира, подобных племенам матис или майоруна из Бразилии.

Он не мог точно сказать, интересно ли кому-нибудь то, что он говорит. Это казалось маловероятным. Одна из пожилых дам клевала носом, словно дремала. А пара азиатской

наружности вообще выглядела так, словно оказалась в зале по ужасной ошибке; это особенно касалось мужчины, который постоянно возился с электронным устройством. И оно неожиданно издало громкий сигнал.

Райан сделал небольшую паузу, пристально посмотрел на мужчину, который, не обращая на него внимания, продолжал заниматься своим делом. Спустя некоторое время Райан многозначительно продолжил, будто хотел убедить присутствующих в важности темы.

– У них существует интуитивногармоничная взаимосвязь с землей. Опасность, которая нам грозит в конечном итоге...

Снова раздался сигнал. И теперь мужчина азиатской наружности старательно набирал текст, даже не пытаясь это скрыть. Его подруга, судя по всему, совершенно не волновалась по этому поводу.

В еще более сильном раздражении Райан продолжил:

– Итак, опасность, которая нам грозит в конечном итоге, заключается в том, что эти культуры уничтожаются так же быстро, как и тропические влажные леса. И те, и другие поглощаются экспансивной корпоративной культурой под управлением доминирующего социального слоя – одержимого властью, с патриархальным мышлением.

При следующем сигнале Райан вспылил:

– Если вы не перестанете баловаться с этим телефоном, я спущусь в зал и вырву эту чертову штукуну у вас из рук!

Азиат уставился на него с недоверчивым удивлением.

– Да, я именно к вам обращаюсь.

Мужчина повернулся к сидящей рядом с ним женщине и что-то сказал ей на незнакомом языке.

Женщина объяснила, обращаясь к Райану: – Извините, он не говорит поанглийски.

– Если вы не понимаете поанглийски, то что вы здесь вообще делаете?

Райан пытался сдержаться, но безуспешно.

– Почему бы вам вместо моей, по вашему мнению, скучной лекции, не отправиться на какуюнибудь китайскую?

– Мы японцы, – ответила женщина.

Один из присутствующих кашлянул, другой встал. Презентация Райана была закончена, к такому выводу по молчаливому согласию пришли все собравшиеся – им было очевидно, что Райан был эмоционально неустойчив и, вероятно, даже не в своем уме.

* * *

Райан сидел у конца барной стойки в обмякшей позе перед пустым стаканом и пытался привлечь внимание бармена. Каждый раз, когда тот направлялся в его сторону, его перехватывала и отвлекала каким-либо замечанием рыжеволосая официантка в облегающем черном платье, которая проплывала мимо Райана так, словно тот был пустым местом. Райан хмурился. Что в нем было такого, изза чего люди полагали, что с ним вот так запросто можно не считаться? Может, все дело в его манере держаться, его позиции? Из задумчивости его вывел голос бармена:

– Извините, что заставил вас ждать!

Он с заговорщическим видом наклонился к Райану:

– Она такая вертихвостка!

Райан воздержался от комментариев и сказал:

– Мне одну бутылку пива «Пилзнер». Нет, лучше две.

– Принести обе сразу?

– Да, так мне не придется снова прерывать ваши брачные игрища!

Бармен зло посмотрел на него и принес две бутылки. Пока Райан пил пиво, стемнело. Казалось, этого никто не заметил. Вернее, другие посетители словно сами погрузились в этот полумрак. Но даже при таком освещении Райан их узнавал: вон его преподаватель на первом курсе колледжа мистер Маршалл с глубоким прикусом и рыжим хохолком; Рэнди, фамилию которого он не помнил; блондинпочтальон, немец по национальности, который весь сезон отпусков напролет доставлял почту, не снимая шляпы с оленьими рогами; Райан полагал, что узнает их всех, хотя их фигуры обретали все более смутные очертания. И лишь одно было совершенно ясно – к нему из туманного марева протянулась большая рука и взяла вторую бутылку пива. Это была рука отца. Райан повернулся и увидел Роберта, который сидел на барном табурете рядом с ним.

И снова в помещении повеяло прохладой. Снова послышалась песня в исполнении Джонни Кэша. Очертания других клиентов бара были расплывчатыми, голоса звучали словно издалека, их трудно было различить. Райан закрыл глаза и затем снова открыл. Во рту был привкус теплого пива, сигаретный дым разъедал глаза; запах жареного лука был острым и совершенно реальным; если это и был сон, то самый подлинный из всех, что он когда-либо видел.

«Забавно, что мы вот так встречаемся», – произнес Райан, хотя не видел в этом ровным счетом ничего забавного.

Похоже, отец его просто не замечал. Как это могло быть? Что за наваждение? Райан наблюдал за тем, как отец тщательно пережевывал арахис, глотнул пива, а затем поковырял в зубах зубочисткой; и все это проделал с таким невозмутимым видом, словно был совершенно один.

И все же Райан с ним заговорил:

– Можешь игнорировать меня сколько хочешь, потому что ты мне неинтересен. Я совершенно на тебя не похож. У меня свои проблемы.

Роберт взял зажженную свечу с барной стойки и прикурил от нее сигарету.

– На случай, если ты не заметил, я пытаюсь сделать в своей жизни что-нибудь значительное, – продолжил Райан. – Пытаюсь найти решение для тех проблем, которые возникли по вине дикарей вроде тебя – слоняющихся без толку, разрушающих всех и вся на своем пути.

Никакой реакции. Внезапно Райан запаниковал. Все, что он собирался сказать, рассеялось как дым. Он не мог догадаться, о чем думали остальные присутствующие в баре, потому что неожиданно все исчезли... Остались лишь он и его отец, словно застряли в туманном безвременье.

– Почему ты не перестаешь преследовать меня? Ты же паразит! Заражаешь все вокруг. Возвращайся в свой Гарнервилль или где ты там в итоге обосновался. Просто оставь меня в покое!

Внезапно выражение лица у Роберта изменилось, словно до него наконец-то дошли слова Райана. Он пристально смотрел на пламя свечи, и на какое-то мгновение, краткое, как биение сердца, Райану показалось, что он все-таки посмотрит на него.

Но вместо этого к нему подошла улыбающаяся сотрудница оргкомитета конференции Амбер, причем так же стремительно, как исчез отец.

– Послушайте, Райан. Организаторам форума было так неловко за то, что они передвинули вашу презентацию, что они решили дать официальный ланч для всех докладчиков. И там будут присутствовать очень важные издатели, которых интересуют публикации вроде вашей...

Райан все еще находился под впечатлением только что пережитого.

– О, спасибо, – выдавил он. – Но мне вряд ли удастся прийти.

Амбер явно была разочарована.

– Но ведь это для вас такая отличная возможность! В прошлом году...

Райан встал.

– Да, конечно. Но у меня много важных дел.

Он направился вверх в хорошо освещенный холл, где толпились люди.

У стойки консьержа отеля он спросил:

– Не могли бы вы мне помочь отыскать небольшой городок к северу отсюда. Кажется, он называется Гарнервилль?!

– Разумеется, – служащий отеля повернулся к своему компьютеру. – Гарнервилль? Ничего такого нет. А как насчет Герневилля?

– Герневилль? Пожалуй, это вернее. Так где это? Далеко отсюда?

– Это в графстве Сонома, рядом с рекой Русская. Приблизительно в ста милях отсюда.

Глава VI

Убить может только яд; тот яд, что остается и циркулирует в крови после укуса. И, в конце концов, этот яд разрушит ваш организм, если только вы не научитесь выводить его из вашей системы или, что еще лучше, не усвоите его, превратив смертельную отраву в целебное средство.

На следующее утро уже в дороге Райан делал сразу несколько вещей, и все очень рассеянно. В одной руке он держал чашку и пил кофе. Другой рукой набирал номер на мобильнике и одновременно умело маневрировал взятой напрокат машиной на Голден Гейт Бридж, мчась по сто первой автостраде.

И при этом постоянно подкручивал клапан кондиционера, в котором, похоже, застряла чьято визитка.

На телефонный звонок ответил мужской голос, говоривший с иностранным акцентом.

– Это Брэд. Чем могу помочь?

Если бы Райан не был так зол, он непременно рассмеялся бы, услышав фальшивое имя.

– Да. Я звоню уже в пятый раз и каждый раз говорю с другим человеком.

– Чем могу помочь? У вас трудности с прокатом машины?

– Нет, я уже в пути. И я уже объяснял, в чем заключается проблема. У меня совершенно новая машина, а кондиционер не работает. В салоне плюс девяносто градусов, и я просто зажарился!

– Очень жаль, сэр! – сказал Брэд, судя по звуку, что печатая. – Не могли бы вы подробнее рассказать, в чем суть претензии?

– Кондиционер не работает! В нем застрял какойто плотный лист бумаги. Что еще нужно объяснять?

И как раз, когда Брэд начал предлагать Райану сменить машину на другую модель, связь пропала.

Райан швырнул мобильник рядом на сиденье, и когда он это сделал, его машина резко выехала на другую полосу, почти столкнувшись с находившимся поблизости автомобилем Prius.

Он все дергал за рычаги кондиционера, пока наконец ему не удалось обхватить пальцами визитную карточку, которая застряла внутри. Потом он вытащил ее.

На карточке было написано:

«Гостиница Кэндллайт, завтраки и ночлег. Севастополь, Калифорния». На карточке была нарисована горящая свеча, указаны адрес и телефон. Он перевернул карточку и на обратной стороне увидел карту с указанием местоположения гостиницы. И кондиционер наконецто заработал.

Проезжая по глухим уголкам густого леса, сквозь заросли секвой, он размышлял о том, что ему нравится ездить одному, когда у него появлялась возможность подумать о том, что с ним происходило. Он чувствовал, что оказался в самой гуще бурных, весьма вероятно, мистических событий. Никогда раньше он не ощущал ничего, даже отдаленно

напоминающего нынешние переживания. В личной жизни он всегда был человеком, который скептически относился к сновидениям, интуиции и к пророчествам. Но теперь он чувствовал, что вся его жизнь распалась на части и что он был не в состоянии никак это контролировать и не знал, как и когда именно это случилось. Несомненно, есть таинственные области, о которых ему ничего не известно. Это повергало его в смятение, страх и в то же время в волнение. Ему не хотелось ни о чем рассказывать Софи или кому-то еще, если уж на то пошло. Он боялся, что если заговорит об этом, то отец может больше никогда не явиться ему.

Вскоре Райан доехал до перекрестка, на котором стоял небольшой указатель с надписью: «Добро пожаловать в Герневилль, самый привлекательный городок Америки!»

Кирпичные здания, построенные на рубеже веков, и здание плазацентра, утопающее в цветах, а также установленные на улице шахматные доски придавали этому городку уютный и приветливый вид.

Райан припарковался снаружи у здания рынка Сейфуэй и внимательно осмотрел главную улицу, стараясь определить, с чего начать поиски. Его взгляд упал на бар под названием «Парадайз Бруэри».

Он вошел в прохладную темную комнату, похожую на подвал, где пахло жареным луком. По телевизору, что висел над барной стойкой, шел матч по гольфу при выключенном звуке. Все глаза присутствующих отцов семейств все равно были устремлены на него. Райан увидел несколько семей за ланчем и пару мужчин, что пили пиво у бара. Сам он тоже сел за барную стойку. Бармен со стрижкой в стиле «сассун» бросил подстаканник на стол прямо перед ним и спросил:

– Что вам принести?

– Я здесь, чтобы получить кое-какую информацию.

– Ну, вы же можете и пить, и задавать вопросы одновременно, так ведь?

– Хорошо, имбирного пива! – Бармен поставил перед ним булькавшую банку.

– Что хотели узнать?

– Я пытаюсь разыскать кое-кого, кто живет в Герневилле.

Райан достал фото отца; бармен наклонился, чтобы посмотреть.

– Его зовут Роберт Килгор. Это очень старый снимок. Сейчас ему должно быть примерно 75–76 лет. Он не прочь выпить, вот я и подумал, что...

Бармен внимательно посмотрел на фото, потом отрицательно покачал головой.

– Я его не узнаю. Но в это заведение ходят в основном отдыхающие. А местные предпочитают бар «У Рэя», тот, что за углом на Ривер Роуд.

Райан допил имбирное пиво. Оставил бармену чаевые. Затем прошел два квартала до бара «У Рэя», здания из шлакобетонных блоков, которое было бы похоже на склад, если бы не американский флаг и вывеска с надписью «*Каждый час – час счастья!*». На парковке было пусто, не считая двух мотоциклов.

Войдя, Райан увидел у конца барной стойки двух мужчин с волосами, забранными в конский хвост; задрав вверх ноги в ботинках, они смотрели футбольный матч по телевизору. Они были одеты в облегающие, выцветшие джинсы и жилеты, изпод которых были видны тщательно наколотые татуировки.

При одном взгляде на них Райан оробел. Они были из тех, кто мог запросто подстеречь его где-то на аллее, придись он им не по вкусу. Он распрямылся, стараясь казаться выше, сосредоточился на разговоре с барменом – блеклым человеком лет шестидесяти, чей изможденный вид в точности соответствовал его собственному измученному состоянию.

Он кивал, слушая Райана. Потом повернулся к двум байкерам и спросил:

– Ктонибудь из вас знает парня по имени Роберт Килгор? Он вроде сюда ходил одно время?

Один из байкеров взглянул на фото и отрицательно покачал головой. Другой

внимательно смотрел на Райана.

– А зачем он вам понадобился?

– Мне нужно уладить с ним коекакие дела.

Байкер невесело рассмеялся.

– Угу. И раньше такое слышать приходилось. Не сулит ничего, кроме неприятностей!

– Так вы его знаете?

Байкер не удостоил его ответом и, повернувшись к своему спутнику, произнес:

– И о чем толкует этот буддист? Чтонибудь вроде рытья двух могил?

– Прежде чем вступить на тропу мести, вырой две могилы! Но это не буддизм. Это Дао.

– Нет, не Дао, а Конфуций, – сказал бармен.

– Нет, это даосизм, я знаю.

Райану весь этот городок показался слегка спятившим. С чего бы байкерам и барменам цитировать восточных философов? И почему один из них упомянул о мести?

– Слушайте, – в отчаянии допытывался Райан, – так вы его знаете или нет?

– Извини, старик. Ничем не можем помочь.

«*Но ведь он его знает, совершенно точно знает*», – подумал Райан.

– Попробуйте поискать «Рио Нидо Роуд Хаус». Это по 116й авеню, – крикнул бармен вслед Райану, стремительно покидавшему бар.

* * *

Ни единого посетителя в «Рио Нидо Роуд Хаус», больше похожем на переоборудованный под бар неизвестно когда построенный сенной сарай, словно сохранившийся с пасторальной эпохи. В огромном помещении с открытыми балками было совершенно пусто. В одном углу работал большой промышленного типа вентилятор. А из кухни пахло кофе и жареными цыплятами.

Райан отдал фотографию официантке, стоявшей на подиуме в такой позе, словно она вотвот начнет стриптизшоу соло перед пустой аудиторией. Перед ней лежал раскрытый номер журнала «Пипл». Заглядывая в журнал и читая вверх ногами, Райан смог прочитать, что некая актриса, о которой он и слыхом не слыхивал, сбросила 85 фунтов. Он в толк взять не мог, почему о ней нужно было непременно писать статью по этому поводу и почему это так интересовало женщину на подиуме.

На официантке был бейджик с надписью «Привет, я Тами!» Как и большинство знакомых ему женщин, она, судя по всему, прилагала большие усилия, чтобы выглядеть моложе своего возраста, а ей, по прикидкам Райана, было за шестьдесят.

Светлые волосы с проседью она собрала в пучок на затылке, а ее удлиненное лицо, словно лаком, было покрыто толстым слоем макияжа неестественного персикового тона.

– Симпатичный парень, – сказала она, рассматривая фото, что ей дал Райан. Затем она пристально посмотрела на Райана:

– А кто это?

– Мой отец. Это довольно старый снимок.

Она взглянула еще раз.

– Есть сходство. Кажется, видела его гдето! А поновее у вас снимка нет?

– Нет, это все, что есть. Слышал, он жил тут вместе с женщиной, может, десять лет тому назад, может, меньше.

– Я здесь была в то время. Наверное, мне следовало бы помнить. Но с тех пор у меня мозговых клеток поубавилось.

Она рассмеялась. И тут Райан заметил, что она пьет золотистую жидкость из низкого, широкого бокала и что ее дыхание отдает виски.

Из кухни вышел лысый человек в фартуке, взглянул на нее, затем повернулся и ушел.

– Вам нужно здесь немного потусоваться, может, кто из старых завсегдатаев что и вспомнит. Они обычно подходят приблизительно к трем часам.

– Мне нужно сходить куданибудь перекусить.

– Наша кухня открыта. Можете и здесь поесть. У нас есть большое блюдо с чили, жареные ребрышки и все такое.

Напряжение покинуло Райна. Он вдруг расслабился. Он был благодарен этой женщине за то, что нашла время и была так внимательна к нему.

– Это было бы здорово. Люблю чили. Спасибо.

– Ну, присаживайтесь здесь у бара и расслабьтесь, – сказала Тами. – Вы на сегодня мой единственный клиент.

Райан присел к угловому столику, опустил плечи. Тами принесла ему пива и дымящуюся миску с чили – сверху высокой горкой были наложены жареный лук, перец и сыр.

Это было лучшее из того, что он пробовал. От еды и от разговора с Тами у него по телу разлилось тепло. Впервые за долгое время он чувствовал себя раскованно.

– Значит, вы проработали здесь всю сознательную жизнь? – спросил он.

– Да, можете себе представить, как это долго.

– Полагаю, вы имели дело с каждой стороной человеческой натуры.

– Пожалуй, правда. Хотя порой мне кажется, что это по большей части были худшие стороны. Но я сама из маленькой, но сплоченной семьи, где все держались вместе до самого горького конца.

Райан отхлебнул пива.

– Должно быть, это здорово. Мой отец ушел, едва я родился, причем в буквальном смысле слова, когда мою мать и меня еще не выписали из родильного отделения.

– Это тяжело, действительно тяжело, – посочувствовала Тами. – И представить не могу, как мужчина может так поступить.

– Я тоже. А она была в тяжелом состоянии. Трое детей на руках. И без работы.

– Он когданибудь помогал детям?

Райан отрицательно покачал головой.

– Неа. Так что в итоге мы все оказались на попечении в разных приемных семьях.

Тами посмотрела на него с искренним сочувствием. Вот чего ему было нужно, внезапно понял Райан, – чтобы просто кто-то обратил на него внимание.

– И ты так и не общался с отцом, никогда?

– Ни разу за все 45 лет жизни. Ни одного звонка. Я пытался найти его. После колледжа провел целых два года в поисках. Услышал несколько разных историй, но в остальном просто зря потратил время.

– А ваши братья, они вам разве не помогали искать отца?

– Они не проявляли интереса к поискам отца. Не то что я. И потом, они были уже достаточно взрослые и много помнили об отце, несомненно, это были ужасные воспоминания. Но я могу полагаться только на собственное воображение.

Затем вошел посетитель и Тами отвлеклась.

– Сейчас вернусь.

Сидя с бутылкой пива в руке, Райан размышлял о том, что он уже много лет не имел весточек от брата со времени особенно неудачного, приведшего к отчуждению, посещения. Тогда ему было уже за 30 лет, и стало ясно, что он единственный из всех, кто все еще переживает по поводу тяжелого детства.

Несколько лет тому назад по инициативе Райана они встретились в ресторане в Питтсбурге, где обосновался Джим. Этот паралегалный или новообращенный христианин был воспитан в духе консерватизма и бережливости, и к 30 годам у него уже было трое детей. Дэйв тоже был консерватором и избирался на пост руководителя окружной администрации в небольшом городке в Огайо. Он был диаконом в церкви и женился на дородной молодой женщине, которая была бездетной. По сравнению с ними Райан был

просто отъявленным либералом, а Софи – ярой феминисткой.

Райан предложил, чтобы они встречались, чтобы вместе обсуждать молодость и делиться воспоминаниями о пережитом. Но братья не были заинтересованы в том, чтобы воскрешать прошлое. Вернее, они вполне благополучно перенесли время, проведенное в приемной семье, а также раннюю потерю отца, избежав эмоциональных надломов, в отличие от Райана, который переживал это как огромную психологическую травму.

«Райан, – сказал ему Джим. – Дэйву и мне не нужно заново ворошить былое. У нас достаточно счастливая жизнь. И в Иисусе я обрел моего истинного отца. А остальное – это просто бессмысленное прошлое».

Райану не верилось, что при этих словах он испытает чувство человека, которого понастоящему предали. Почему его братья не возмущались и не негодовали по поводу минувшего столь же сильно, как он сам?

«Мда, у каждого было трудное детство, – так Дэйв подытожил свои переживания. – У многих людей не было отца. Чего ты добиваешься – компенсации, извинений?»

«Скорее, отмищения», – подумал Райан, но не собирался говорить им об этом.

* * *

Вернулась Тами, села рядом с ним.

– Я вообще видел отца всего один раз, – продолжал Райан, обращаясь к ней, словно они и не прерывали разговора. – Еще ребенком. Это случилось уже после того, как моя мать забрала меня и братьев из приюта. Она уже вышла замуж второй раз. Мне тогда было что-то около семи или восьми лет.

Он выждал минуту, стараясь понять, не надоело ли Тами беседовать с ним.

– И что произошло? – спросила она.

– Както поздно вечером мы, ребята, целой ватагой тусовались на углу улицы. Братья перекидывали друг другу футбольный мяч. Стояла жара. Нам не нравилось сидеть дома, потому что там был отчим, а он пил всегда, когда не работал. Казалось, его возмущало, что у матери были мы. Я всегда боялся, что меня снова отошлют в приемную семью, поэтому старался держаться от него подальше. И повсюду хвостом ходил за братом.

Мяч, который бросил мой старший брат Джим, пролетел у всех над головами и покатился по улице. Брат побежал туда, где тот упал, в канаву рядом со старым грузовиком. Когда он уже был на полпути к цели, то замер и стоял как вкопанный. Оцепенел, словно его сразил паралич.

Грузовик был такой, которые ездили по сельской местности в те времена – старый и ржавый, заполненный всяким хламом и металлоломом. Из выхлопной трубы валил густой черный дым, а из окна – клубы сигаретного дыма. В кабине сидел мужчина в белой шляпе. Он наблюдал, как мы играли.

Я спросил у Джима, в чем дело. Но он не отвечал. Когда я решил подойти, мужчина нажал на газ и уехал. Джим бросил мяч и побежал следом за машиной. «Эй!!» – кричал он. Я бросился за ним. Я бежал след в след, быстро. И не понимал, что происходит. Когда я, наконец, его догнал, то некоторое время стоял, запыхавшись, а затем спросил:

– Кто это был?

Джим посмотрел на меня. И я никогда не забуду его лица. Искаженное, как от страшной внутренней боли.

– Это был наш отец, – объяснил он.

– Всегда думал, – пояснил Райан Тами, – что наш отец – это какой-то мистический персонаж, а не человек из плоти и крови, который мог просто уехать в грузовике. Но потом изменил мнение. Может быть, поэтому я и начал его искать.

Райан замолчал. А Тами какое-то время просто тихо стояла рядом.

– А если вы его найдете, что сделаете? – спросила она.

– Если честно, не знаю. Думаю, мне просто нужно его увидеть. Услышать, как он скажет, что виноват. Не уверен. *Но хоть что-то*. Но чего бы я ни желал, меня надолго не хватит. Я уже потерял слишком много времени. У меня словно все тело разбито. Как раз сейчас мне нужно быть в Сан-Франциско на деловом ланче. А я вместо этого сижу здесь.

Он взглянул на часы и сказал: «Пожалуй, я лучше пойду! Не могу целый день дожидаться этих парней».

– По крайней мере, вы нашли немного хорошего чили. Вам понравилось?

– Угу, понравилось. Спасибо, Тами, что выслушала меня!

– Счастливо тебе, милоч! Дай знать, что будет дальше!

Райан взял ее за руку и немного подержал в своей. Она ему улыбнулась, он отпустил руку.

На выходе он достал ключи, потом немного задержался у стены, увешанной старыми фотографиями. Он пристально всмотрелся в них.

Его пульс странно участился. Взгляд упал на один из снимков, и Райан похолодел. На фото был изображен испитого вида мужчина, сидевший у барной стойки в ковбойской шляпе «стетсон». Это был его отец. Старше и потрепаннее, чем на имевшихся у Райана фотографиях, он обнимал двух молодых женщин.

Райан схватил фото и вернулся к Тами.

– Просто поверить не могу. Это же он!

Она взяла фото и стала рассматривать его на просвет, словно проверяя подозрительную двадцатидолларовую купюру на подлинность.

– Да, теперь я его припоминаю. Раньше я не видела его лица так отчетливо. У него был ужасный характер, я вам доложу. Он здесь участвовал в нескольких отвратительных драках.

– Меня это не удивляет. А что еще ты помнишь?

Тами показала на одну из женщин на фото рядом с отцом.

– Вот это Китти. Может, тогда она была его девушкой – точно не скажу. Она все еще здесь, если ты хочешь с ней поговорить.

Тами объяснила ему, как пройти к магазину-складу консигнационной продажи, что находился через две улицы от бара. Райан снова поблагодарил ее, вышел и направился туда. Дошел до обветшалой витрины с несвежей на вид официальной типовой одеждой, что висела за стеклом – красным атласным платьем с блестками спереди и белым смокингом с лацканами по моде 70х годов. Когда он вошел, в нос ему ударил запах нафталина и препарата для химчистки. Склад-магазин был забит не только одеждой, но и изношенной обувью и разными детскими принадлежностями – бывшими в употреблении куклами и мягкими игрушками в форме зверушек. И ни одного покупателя.

Райан увидел владелицу склада раньше, чем она его. У нее на носу были водружены очки, и она читала книгу. Лицо было болезненно землистого цвета, морщинистое, но, когда она посмотрела на Райана, он все же узнал в ней ту самую молодую женщину на фотографии.

– Вы Китти?

Женщина странно посмотрела на него, словно ей явилось привидение.

– А вы кто?

Райан достал фотографию, которую снял со стены в ресторане, и протянул ей: «Думаю, вы могли знать моего отца!»

Взяв фотографию, Китти все еще не спускала глаз с Райана.

– Боб Килгор, – произнесла она тихо. – Ну и кретин. Трудно представить его в роли отца. – Она еще минуту посмотрела на снимок. – Женщины его любили, и он пользовался этим в полной мере. Мог украсть деньги, а потом еще убедить вас, что вам самим хочется отдать ему еще больше.

– Не хотелось бы нескромно допытываться, но вы и он разве не?..

– Нет, – отрезала она, возвращая ему фотографию. – Никоим образом. Я избавилась от этого гада. Но вот Сэнди, она была с ним время от времени. Но когда они были вместе, у него водилось так много женщин на стороне, что она страшно ревновала, и у них случались омерзительные ссоры или еще что, как ни назови. Обычно он сильно напивался, и его выгоняли из дома.

– Могу себе представить, – заметил Райан.

– В конце концов Боб ее бросил, оставил в крайне бедственном, тяжелом положении.

– И что с ним было дальше? – Райан спросил очень серьезно. – Знаете, что с ним случилось потом?

– Ну, наверное, попал в тюрьму. Мне жаль.

Наступила короткая пауза. Китти немного подумала:

– Знаете, а я ведь его снова видела. Несколько лет назад на барбекю в Монте Рио.

– А где это?

– Небольшой городок неподалеку отсюда.

– А давно?

– Дайтека вспомнить. Примерно лет семь или восемь тому назад, а может, меньше. Он выглядел какимто потрепанным. Уже не осталось прошлого шарма. Слышала, что он переехал туда с какойто вдовушкой, уж не припомню, как ее звали. У нее был старый дом в викторианском стиле в начале Докер Роуд. Слышала, теперь он заброшен и опустел, а может, и нет. Может, все еще стоит. Вам объяснить, как проехать?

Теперь Райан чувствовал, что он близок к настоящему открытию. Что он может обнаружить и как это может его изменить? Следует ли ему бросить эту затею, как часто советовала Софи? Его поиски могли привести к ящику Пандоры, и теперь он ощущал готовность открыть его. Он нервно сглотнул и вынул ручку из кармана вместе с карточкой Кэндллайт Инн.

– Да. Спасибо, – ответил он.

Глава VII

Суть заключается в том, чтобы взглянуть на любые травмирующие факторы в вашей жизни, которые причинили вам самую острую боль, самые большие страдания, и найти способ изменить их восприятие – чтобы они не были источником страданий, а давали величайшие наставления, дарующие вам самые ценные знания. Вот именно это мы и должны делать для окружающего нас мира. И для нас самих.

Он снова был в пути, но на этот раз во рту не было прежнего привкуса горечи. Он точно не знал почему, но постепенно начинали рассеиваться страх и злость, которые он всегда испытывал во время поисков отца. Чувствовал, что гдето поблизости, гдето прямо перед ним есть разгадка – потайная дверца, которая вотвот откроется.

Всего за двадцать минут он добрался до полуразрушенного особняка Викторианской эпохи, который напоминал расплющенный свадебный торт.

В этом месте царила атмосфера фильма ужасов, с его запущенным, густо заросшим садом, с наглухо заколоченными досками окнами, затейливым, но уже сгнившим крыльцом. На лужайке перед домом повсюду валялись пустые банки, выброшенный ковер и газета.

Райан вышел из машины и приблизился к входной двери. Она была не заперта и отворилась, стоило ему лишь прикоснуться к ней. Он вошел. В нос ударил стойкий резкий запах диких животных, везде лежали кучки экскрементов. Похоже, здесь поселились белки или скунсы. Но и люди не обошли это место стороной, оставив после себя много грязных отходов и мусора. Пол был усыпан разбитыми стеклянными бокалами, старыми трубками и

зажигалками, лежала целая груда бутылок изпод виски. *«Современное противоядие при депрессии в сельской местности, – подумал Райан. – Кокаин со спиртным».*

В глубине у дальней стены было устроено временное спальное место с замызганным матрасом и кучей покрывал. Рядом с этим временным ложем Райан порывлся на полу в сваленных и уже разлагающихся порнографических журналах, куче свечных огарков и сигаретных окурков. Помимо этого, около постели высилась стопка одежды, сырой и пахнущей гнилью. И единственной вещью, которую еще можно было узнать, была полуистлевшая ковбойская шляпа «стетсон». У Райана в горле стоял ком от волнения, он поднял шляпу и вернулся к черному входу, держа ее за поля.

Издаലെка за ним наблюдала старая немецкая овчарка. Она медленно и робко приблизилась к нему, виляя хвостом и низко опустив голову. Когда собака подошла, то обнюхала старую шляпу у него в руке, пока Райан гладил животное. На овчарке был потертый ошейник с надписью «Гарри», с уже неразличимым телефонным номером. Пес принюхался к ногам Райана, словно учуял какойто очень важный для него и давно знакомый запах.

– Эй, парень, ты что, знал моего отца? – спросил Райан.

Пес посмотрел на Райана старыми поблекшими глазами и еще сильнее завилял хвостом. Его взгляд казался красноречивее любого, который Райану довелось увидеть за последнее время. Было совершенно ясно, что перед ним существо, которое хорошо знало и преданно любило его отца. «Он гдето поблизости», – подумал Райан. Причем впервые был так в этом уверен.

* * *

По пути от заброшенного дома Райан взошел на мост, остановился, достал мобильник и пристально смотрел на него, прокручивая фото с изображением Софи и Логана. Потом набрал номер Софи.

«Привет. Вы позвонили домой к Райану, Софи, Логану и Митци. Пожалуйста, оставьте свое сообщение». Биип.

«Привет, это я... Не знаю, там вы или нет... Я звоню, чтобы сказать... В действительности я звоню, чтобы сказать, что хочу еще раз извиниться. Мне уже самому тошно слышать, как я это повторяю. Представляю, как вам надоело это слушать. Так что, пожалуй, я собираюсь сказать вот что. Я позвонил, чтобы сказать, что люблю тебя. А Логана я люблю больше всего на свете».

* * *

Позже Райан проехал к центру города мимо театра МонтеКарло, на старой афише которого неровными буквами было написано «Десять заповедей».

Перед театром в креслекаталке сидел мужчина лет сорока, попивавший чай со льдом и попыхивавший сигаретой.

Райан припарковался на стоянке поблизости от театра. Человек приветливо кивнул ему, когда Райан шел мимо в соседнее кафе. Он устроился в полумраке бара, у окна с видом на реку Русская.

Эта стремительная и широкая река была известна рыбалкой на осетровых и плодородными поймами. Внизу на реке какието два человека в лодке сосредоточенно занимались своим делом, пытаясь отсоединить ветку дерева, которая зацепилась за обломок скалы, и изза нее там застревал плавучий мусор, образуя затор. Райан так увлекся наблюдением за этим завораживающим действием, что не заметил подошедшей сзади официантки, миниатюрной молодой женщины чуть за двадцать.

– Привет. Что закажете?

Он вздрогнул и взглянул на нее. У этой шатенки с негустыми волосами был пирсинг в носу и на губе.

– Просто чашку кофе.

Райан достал фотографию отца и положил на стол.

Внизу на реке мужчины привязали веревку к ветке и пытались вытянуть ее на берег.

Когда официантка ставила заказанный Райаном кофе на стол, то наклонилась и заглянула ему через плечо.

– Это что, фотография того ковбоя? – поинтересовалась она.

Райан взглянул на нее.

– Того ковбоя? Так вы его знаете?

Она явно занервничала.

– Ну, он похож на человека, который...

– Который что? Он сюда заходил? Скажите, для меня это очень важно!

Официантка поглядела на него с некоторым подозрением.

– А почему это так уж важно?

– Это мой отец, ясно? Достаточно важная причина?

Официантка покраснела:

– Извините, возможно, вам лучше поговорить с моим боссом? Он хорошо знал этого ковбоя! Он сейчас здесь!

Мужчина, что сидел у входа в театр, вошел и у стойки налил себе немного холодного чая со льдом. Она подозвала его.

– Это Андре, – представила она его Райану.

Андре был сдержанным мужчиной с кудрявыми волосами и такой же кучерявой бородой; спокойным и улыбчивым.

Райан показал ему фотографию.

– Хотелось бы выяснить, не знаете ли вы этого человека? Его зовут Роберт Килгор. Он мой отец.

Андре улыбнулся, внимательно рассматривая фотографию, затем взглянул на Райана.

– Тот вы показались мне знакомым. Конечно, я его знаю. Вы его сын?

Райан кивнул.

Андре протянул руку.

– Рад знакомству!

– Вы не в курсе, где его можно найти?

Улыбка словно примерзла у него к лицу. Он оглянулся на официантку.

– Ну, это совсем иное дело!

– Что вы хотите сказать?

– Давайте выйдем и поговорим, но сначала мне нужно пообщаться с шерифом...

Райану было непонятно, при чем здесь шериф, но и расспрашивать Андре не хотелось.

Он пошел следом за ним. Они миновали пролет лестницы, которая вела через душную и людную кухню кафе, и наконец вышли в патио.

«Подождите минутку», – попросил Андре.

Когда он вернулся, то сел рядом с Райаном в одно из кресел, что стояли в патио, и вздохнул. Оба еще немного поговорили о здешних местах, прежде чем Андре завел разговор об отце Райана.

– Я долго был знаком с твоим отцом. Он провел здесь свои последние дни.

– Последние дни? – переспросил Райан. Казалось, его слова опережали мысли. – Хотите сказать, он умер?

– Мне очень жаль. Да, – произнес Андре, и по выражению его лица Райан понял, что тот говорит совершенно искренне.

Иза угла появилась женщина-шериф, которая приблизилась к ним. Было ясно, что Андре уже успел поговорить с ней.

– Полагаю, мне удалось кое-что выяснить о Роберте Килгоре, – сказала она, глядя на

лист бумаги, похожий на официальный документ. – Вот копия свидетельства о смерти. Он скончался 8 августа 2007 года в госпитале Кайзер Перманенте в СантаРозе. От цирроза печени.

Какоето время Райан сидел молча. А чего он ожидал? По крайней мере, не этого! Во всех возможных ситуациях, которые он мысленно себе представлял, так или иначе фигурировал живой отец, с которым можно было встретиться лицом к лицу, которого можно было обнять или проигнорировать. Услышать голос. Ощутить присутствие. И Райан всегда верил, что в свое время непременно его найдет.

– Он упоминал, у него кто-нибудь был из иждивенцев?

– Да, на самом деле это было последнее, что он сделал. Он просил разрешения самому записать их имена: Дэйв, Джим и Райан.

– Спасибо, – поблагодарил Райан.

После ее ухода он сказал Андре:

– Может, вы расскажете мне все, что помните об отце?

– Конечно, – Андре уселся поудобнее. – Мы обычно называли его ковбоем из-за его шляпы и пристрастия к вестернам. Его любимым актером был Джон Уэйн. У него никогда не водилось денег, но мы его все равно кормили. Все лучше, чем позволить ему рыться в дампитерах⁷. И когда у него случалось то одно, то другое, он всегда мне обещал непременно заплатить. Он был очень гордым. Но мне было ясно, что дела у него неважные. Думаю, что Мадлен, та дама, с которой он жил в доме на холме, ушла от него, как только у него ухудшилось состояние здоровья. Должно быть, ему пришлось нелегко. Но, по его словам, он это вполне заслужил, что бы он под этим ни имел в виду. И потом, он всегда сильно пил. Думаю, вам это известно.

В ответ Райан утвердительно кивнул.

Андре продолжил:

– Он все твердил, что собирается вернуться на Восточное Побережье. Говорил, там у него осталась семья, но я знал, что он никуда не уедет.

У него было слишком слабое здоровье. Да и с деньгами было туго. Потом, в 2007 году, мы его не видели примерно два месяца. Однажды утром он появился, и не в лучшем виде. Выглядел ужасающе бледным, исхудавшим, едва ноги волочил; просился, чтобы его пустили ненадолго передохнуть в театре. Просто посидеть. В тот день было сыро, а кондиционер работал хорошо. И я согласился. Он просидел в театре весь день до закрытия. А потом... – Андре опустил голову. – Потом наша официантка Тереза вызвала «Скорую помощь».

– Вы не против, если я загляну в театр? – спросил Райан у Андре, помолчав немного.

– Разумеется, пойдете со мной!

* * *

Интерьер в помещении театра был старомодным, кресла обиты красным бархатом, на полу потертый ковер с орнаментом из роз.

– Если не возражаете, мне хотелось бы здесь немного посидеть.

– Нет проблем. Я подойду попозже, – сказал Андре.

Он прошел по проходу между кресел и закрыл тяжелую дверь. Зал погрузился в полутьму. Райан остался в зале совершенно один, наслаждаясь тишиной и размышляя о том, что в этом месте пролетели последние сознательные мгновения жизни его отца.

⁷ Фирменное название контейнера для мусора (от фирмы Dempster Brothers). (Прим. пер.)

* * *

Спустя час Райан уже стоял на мосту с видом на реку Русская. Он не помнил, что именно делал в течение предшествующего часа. Помнил, что спускался по главной улице и заглядывал в окна. Помнил ощущение, словно ему нужно кому-то позвонить, он даже смотрел на мобильник, потом убрал его в карман. Ему ничего не хотелось, только пройтись пешком. И именно это он, в конце концов, и сделал.

А мужчины, что были на реке, к тому времени наконец уже отцепили от скалы ветку вместе с мусором, что застрял изза нее, образовав затор. Они бродили по берегу, собирая мусор в большие пластиковые пакеты.

К Райану подошел Андре.

– Шерифу и мне удалось выяснить, где именно похоронен ваш отец, если вам это важно.

– Где?

– Там, в окрестностях Севастополя. Это не кладбище в полном смысле слова, скорее, поле для захоронения лиц без родственников.

– Ты хочешь сказать, для бедняков?

Андре утвердительно кивнул.

– Это место расположено на Богемском шоссе. Сразу за новым мотелем, где предоставляют ночлег и завтрак. Если хочешь, я объясню, как добраться.

Немного поразмыслив, Райан отрицательно покачал головой:

– Нет, спасибо, не надо. Думаю, с меня достаточно. Благодарю за помощь.

– Никаких проблем. И счастливо вам!

Райан повернулся и пошел обратно по направлению к стоянке. Примерно через несколько ярдов он остановился, словно его вдруг осенило. Не оборачиваясь, он спросил:

– А как называется тот самый мотель с ночлегом и завтраком?

– «Кэндллайт Инн».

Райан опустил руку в карман и достал оттуда карточку с номером гостиницы, которую некоторое время тому назад вынул из заглохшего вентилятора.

– Вам нужен адрес? – спросил Андре.

– Нет, спасибо, он у меня уже есть.

* * *

Райан добрался до гостиницы поздно вечером. Он вышел из машины и подошел к покрашенному желтой и белой краской зданию под крышей, построенному в средиземноморском стиле. Он постучал, и ему открыла молодая, подомашнему одетая пара; они были весьма доброжелательны и охотно отвечали на его вопросы, когда он объяснил им, что приехал разыскивать могилу отца. Молодая женщина провела Райана к границе участка и объяснила, как пройти к надгробиям.

Райан любил ходить пешком, он бодро шагал через лужайку из полевых цветов и диких трав. Повсюду вокруг стрекотали кузнечики, стараясь заглушить все звуки мира. Он вспомнил, что когда-то ему рассказывали, будто самцы этих насекомых практически превращались в своего рода музыкальные инструменты, чтобы издавать эти пронзительные, подобные песням звуки.

Вскоре Райан оказался неподалеку от склона холма, окруженного древними седыми дубами. Он продолжал спускаться по склону.

Это был теплый, ясный осенний день. Над его головой пролетела птичка с оранжевой грудкой. На рукав село насекомое, переливающееся всеми оттенками голубого. Целый сонм бабочек желтого и голубого цвета, трепеща крылышками, порхал над грязным прудом. Никогда еще природа не казалась такой

яркоокрашенной и настолько созвучной его душевному состоянию.

Райан вступил на участок, уставленный деревянными крестами; затем повернул налево туда, где могильные плиты были заглублены в землю; а некоторые поросли травой и сорняками. Он чуть было не прошел мимо надгробия с выгравированным именем отца: *Роберт Лайл Килгор, 1939–2007*. Стоял в полном молчании, глядя на него словно во сне. Умом он понимал, что именно это он и искал. Но по какойто причине у него в душе таилась надежда, что отец не может умереть прежде, чем они встретятся и не уладят все разобщившие их обиды и недоразумения.

– Я ненавижу тебя всю жизнь, – произнес он, пристально глядя на могильный камень. – Я носил в себе эту ненависть долгие годы, причинял боль окружающим, и все изза тебя.

Он помолчал, сглотнув, чтобы исчез болезненный комок в горле.

– Пап, мне просто хотелось...

И тут Райан заплакал.

Когда он снова поднял глаза, то увидел отца на другом конце поля. Тот сидел на камне лицом на запад, рассматривая свои ковбойские ботинки. Он выглядел еще более потрепанным и побитым, чем раньше. Но на лице осталась печать грубоватого изящества. Его профиль не напоминал Райану монстра, а лишь собственное отражение, копию себя самого.

– Отец, теперь я вижу тебя в истинном свете, каким ты был. Не врагом. А наставником. С этого момента буду думать о тебе только с любовью. И вспоминать только с любовью.

Роберт неподвижно слушал слова сына. Но потом медленно повернул голову в его сторону и впервые за все время взглянул ему прямо в глаза. У отца они тоже были голубые, Райан никогда не знал этого раньше. И в них стояли слезы, придавая глазам странный блеск. Ничего больше, но для Райана и этого было достаточно.

Легкий ветерок поколебал стволы и ветви деревьев, листва зашелестела, и через мгновение отец исчез из виду.

Глава VIII

Сильнее всех побед – прощение.

Шиллер

Вернувшийся на конференцию в СанФранциско Райан стоял и смотрел на объявление о его лекции, установленное перед входом в конференцзал, и от руки вносил в него исправления. Красным маркером он быстро зачеркнул одно слово и написал новые. В результате получилось вот что:

«Как мы ~~уничтожаем~~ МОЖЕМ ИЗЛЕЧИТЬ нашу богатую планету».

За стенами аудитории прохаживались люди, пили кофе и подыскивали группы собеседников, обсуждающих общие интересные для них темы. Высокий лысый академик, который пытался заговорить с Райаном в лифте, остановился и стал внимательно изучать программу выступления, обратив внимание на новое название лекции, прежде чем вошел в аудиторию.

Сотрудница организационного комитета Амбер помогала Райану раздавать брошюры и другие информационные материалы пришедшим на лекцию.

– Вы ведь не раздаете это даром? – спросила одна из пришедших. – Здесь указана цена 14 долларов 95 центов.

– Ну, это для меня единственный способ удостовериться, что их хоть ктото прочитает, –

ответил Райан с улыбкой.

Несколько человек засмеялись, с любопытством посмотрели на книгу и, перевернув ее, стали читать текст на последней странице обложки.

Райан не стал держаться особняком, а присоединился к слушателям. Он вел себя спокойно и раскованно. Он шутил и говорил, словно не вел семинар, а просто беседовал с людьми. И сегодня вместо своего традиционного вельветового пиджака и брюк он надел обычную футболку и джинсы.

– Современный подход к изложению важной идеи часто бывает прямолинеен. Мы любим оперировать фактами и цифрами, прибегать к аналитическому подходу. Но изучив более древние, исконные культуры, такие как Матис и Майоруна, я понял, что они редко передают важные мысли таким способом.

Лысый человек стоял в задних рядах и внимательно прислушивался к словам Райана. Он достал шариковую ручку и стал записывать.

– Подлинная мудрость, реальные идеи, которые действительно в состоянии помочь нам решить наши многочисленные дилеммы в области экологии, – эти древние знания существуют в подобных старых обществах с традиционным культурным укладом, но передаются они не напрямую, а опосредованно, с помощью метафор и устных преданий.

Тут подняла руку Амбер:

– Профессор Килгор, а вы не могли бы привести пример?

– Разумеется. Однажды вождь племени Матис произнес слова, смысл которых я еще только начинаю постигать. Он сказал вот что: «Еще никто и никогда не погибал от укуса змеи. Убить может только яд; тот яд, что остается и циркулирует в крови после укуса. И, в конце концов, этот яд разрушит ваш организм, если только вы не научитесь выводить его из вашей системы или, что еще лучше, не усвоите его, превратив смертельную отраву в целебное средство».

Это весьма примитивное понятие, и все же оно достаточно сложно и глубокомысленно – суть заключается в том, чтобы взглянуть на любые травмирующие факторы в вашей жизни, которые причинили вам самую острую боль, самые большие страдания, и найти способ изменить их восприятие – чтобы они не были источником страданий, а давали величайшие наставления, дарующие вам самые ценные знания. Вот именно это мы и должны делать для окружающего нас мира. И для нас самих.

* * *

На следующий день Райан вышел из такси и направился к дому, волоча за собой чемодан через лужайку. У входа висел плакат с приветствием. Логан с Митци сидели на лужайке перед домом и смотрели на приближающегося отца.

Стоя у кухонного окна, Софи улыбалась при виде Райана, который нагнулся к Логану поболтать и пошутить. Он бросил взгляд на кухонное окно, заметил жену и приветливо помахал ей рукой. После того, что они пережили вместе, и Софи, и Логан все еще были здесь; ждали его вопреки многолетнему разочарованию. Их сердца все еще были открыты для него. Он не мог поверить, что ему так посчастливилось в жизни.

Когда Софи вышла и присоединилась к ним на лужайке, она крепко обняла Райана, не обращая ни малейшего внимания на телефон, что зазвонил в комнате. В конце концов сработал автоответчик.

– Здравствуйте, вы позвонили домой к Райану, Софи, Логану и Митци. Пожалуйста, оставьте ваше сообщение!

Голос позвонившего произнес:

– Здравствуйте, я звоню мистеру Райану Килгору. Меня зовут Доктор Уэйн Дайер. Я звоню по поводу доклада, который вы представили вчера в СанФранциско на конференции по проблемам сохранения экологии планеты. Мне удалось услышать лишь отрывки вашего оригинального выступления, но то, что я слышал, показалось мне поучительным. Полагаю, очень многим будет интересно познакомиться с вашей точкой зрения на эту проблему, и вас с удовольствием будут слушать. Если бы вы мне перезвонили, то мы могли бы условиться о встрече...

Вдали на лужайке в тени виднелась фигура в ковбойской шляпе «стетсон»; казалось, этот человек тоже прислушивается к телефонному сообщению. Когда сообщение закончилось и автоответчик отключился, мужчина немного поколебался, помедлил, затем повернулся и исчез среди древостоя – безмолвных и величественных дубов, которые стеной высились за домом Райана.

Об авторах книги

Доктор Уэйн Дайер пользуется международным признанием как автор многочисленных книг и лекций по саморазвитию личности. Ему принадлежат более 30 книг, он создал разнообразные аудио– и видеопрограммы, за его плечами выступления в тысячах теле– и радиошоу. Его книги *Manifest Your Destiny*, *Wisdom of the Ages*, *There's a Spiritual Solution to Every Problem*, и бестселлеры, опубликованные в *The New York Times*, *10 Secrets for Success and Inner Peace*, *The Power of Intention*, *Inspiration*, *Change Your Thoughts – Change Your Life*, *Excuses Begone!*, а также *Wishes Fulfilled* были представлены на Национальном общественном телевидении. У него степень доктора наук в области психологии, он консультант в Университете Уэйна в штате Мичиган (один из крупнейших университетов штата); одновременно доктор Дайер – адъюнктпрофессор в Университете Святого Фомы в НьюЙорке. Адрес его вебсайта – www.DrWayneDyer.com

Линн Лаубер – писатель, автор художественных и публицистических литературных произведений. Одновременно она преподает и является соавтором многих книг. В издательстве W.W. Norton & Co. были опубликованы три ее собственных произведения, она специализируется в области художественного и автобиографического жанров, а также в самоусовершенствовании. Ее очерки публиковались в *The New York Times*. Она также осуществляла литературную обработку аудиокниг по произведениям Джона Апдайка, Оливера Сакса, Опры Уинфри и Гора Видала. Всем интересующимся предлагаем посетить сайт: www.lynnlauber.com

